

БРАК В ПРАВОСЛАВИИ

Содержание

- [Введение](#)
- [Иудаизм и Новый Завет](#)
- [Древняя Церковь и римское право](#)
- [Брак как Таинство](#)
- [Брак и Евхаристия](#)
- [Венчание](#)
- [Количество браков](#)
- [Условия вступления в брак](#)
- [Смешанные браки](#)
- [Развод](#)
- [Семья и регулирование рождаемости](#)
- [Духовенство и брак](#)
- [Брак, целибат и монашество](#)
- [Заключение](#)
- [Приложение 1. Новый Завет о браке](#)
- [Приложение 2. Церковное Предание о браке](#)
- [Приложение 3. Каноническое право, Литургическая практика](#)

Введение

Все православные катехизисы говорят о браке как о "таинстве", т.е. о "тайне" Церкви. На первый взгляд такое определение кажется странным: брак существовал и у христианских народов, и у нехристианских, он известен был многим и многим поколениям людей, в том числе и атеистам. Человек рождается, вступает в брак, рождает детей и умирает. Это законы природы, которые установил и благословил Бог. Но брак особенно выделен Церковью. Особое благословение, которое преподается мужчине и женщине, вступающим в брак, называется "таинством". Почему же? О браке писали очень много, писали люди различных исповеданий и убеждений: католики и протестанты, психологи, психиатры, социологи, юристы. Наш век породил мутный поток литературы, нацеленной на чувственную природу человека. Публично обсуждаются вопросы, о которых прошлые поколения, воспитанные в пуританском духе, никогда не рассуждали даже наедине с собой. Общеизвестно, что Фрейд и Юнг революционизировали не только сексуальную этику, но и наше понимание человеческой природы в целом. Между тем папа Павел VI, вопреки мнению большинства католических богословов, взял на себя трудную задачу защиты ставшего традиционным для католицизма запрещения искусственных противозачаточных средств. Фактически тот кризис, который вызвала в католическом мире папская *Humanae vitae*, имеет гораздо более глубокий смысл, чем проблема контроля над рождаемостью; энциклика предлагает определенную философию брака и ответственности супругов друг перед другом. Все это требует православной оценки и ответа.

Обсуждение всех проблем, связанных с браком и сексом, находится вне пределов компетенции автора, ограниченного к тому же объемом публикации. Наша цель - раскрыть брак как таинство, т.е. углубиться в тот аспект его, которого не касаются ни психология, ни физиология, ни социология. Однако автор убежден, что православное понимание таинства брака предполагает единственно

возможное в христианстве отношение к наиболее жгучим проблемам современности. Это понимание, безусловно, расходится с тем, которое признано традиционным в западном христианстве. В этом различии таится, возможно, путь для практического преобразования брака в западном обществе.

Само представление о браке как о таинстве предполагает, что человек не только существо с определенными физиологическими, психологическими и социологическими функциями, но и гражданин Царства Божия; с точки зрения православия жизнь человека в целом и в наиболее ответственные ее моменты в частности заключает в себе вечные ценности и Самого Бога.

Поэтому четвертая глава книги называется "Брак и Евхаристия". Евхаристия, или Божественная Литургия, является тем мгновением и той точкой, в которой христианин осознает свою истинную сущность. В Евхаристии Царство Божие, гражданином которого человек становится через крещение, становится непосредственно достижимым для его духовного зрения. Божественная Литургия начинается возгласом: "Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа". В Литургии Церковь, это осязаемое собрание верных, перестает быть обычной человеческой организацией и становится воистину Церковью Божией. В Евхаристии Сам Христос руководит этим собранием, которое превращается в Его Тело. Рушатся все преграды между конкретными историческими мгновениями и вечностью. Церковь, таким образом, учит нас, что брак - это таинство, поскольку он совершается в пределах Евхаристии.

Связь брака с Евхаристией может показаться неожиданной. Брак кажется сначала сугубо личным или семейным делом. Если Церковь его благословляет, он приобретает утешительный оттенок законности и до некоторой степени священности; но его связь с литургией для многих из нас остается пока неясной. Современный обряд венчания не имеет для нас очевидной связи с Евхаристией, он превращается в праздник, на который мы зовем родственников и друзей. Но мы постараемся показать, что вне связи с Евхаристией нельзя понять ни новозаветное учение о браке, ни сам обряд венчания в Православной Церкви. Евхаристия и соединение нас в Евхаристии - вот ключ к пониманию христианского отношения к браку в Церкви и вне ее. Многие затруднения, с которыми мы сталкиваемся в сегодняшнем мире, происходят именно от непонимания связи брака с Евхаристией.

Преодолеть это непонимание можно, лишь прямо посмотрев в лицо современному светскому обществу и четко сформулировав православный, христианский ответ на его вопросы. Действительно, евхаристическое понимание брака ясно показывает, что суть христианских требований к человеку - в отношении к нему как образу Божию, как к участнику божественной жизни. Психологи и социологи, исходящие из своих, ограниченных постановкой проблем, областей исследования, могут достичь лишь слабого подобия этой истины, а не утверждения ее во всей полноте. Только христиане достаточно смелы, чтобы достичь ощущения, сформулированного святым Афанасием Александрийским: "Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом". На этом тезисе основывается и смысл христианского брака.

Данные литургии и исторические факты, приводимые в этой книге, хорошо известны [\[1\]](#). Наша задача заключается лишь в том, чтобы сделать необходимые выводы и попытаться определить, как вернуть современным христианам представление об истинной сущности брака.

Иудаизм и Новый Завет

Ветхозаветное иудейское мышление видело сущность и цель брака в воспроизводстве рода. Продолжение рода было самым очевидным и совершенно необходимым знаком Божьего благословения. Послушание Авраама и его вера в Бога даровали ему обещание обильного потомства: Я благословляю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего (Быт. 22, 17-18). Это торжественное обещание Авраама объясняет, почему евреи считали бесплодный брак проклятием, тяготеющим над супружеской четой, в особенности над женщиной.

Этот взгляд, ярко выраженный в Ветхом Завете, непосредственно связан с отсутствием в раннем иудаизме ясного представления о посмертном существовании. В лучшем случае человек мог надеяться

на призрачное прозябание в так называемом "шеоле" (что лишь очень неточно переводится как "ад"). Псалмопевец испрашивает Божьей помощи против врагов, желающих убить его, и он знает, что Бог больше "не вспоминает" убитого, который "от руки Бога отринут". Прося у Бога помощи против врагов, он скептически спрашивает его: Разве над мертвыми Ты сотворишь чудо? Разве мертвые встанут и будут славить Тебя? (Пс. 87, 11). Бог был "Богом живых", а не мертвых. Но обетование, данное Аврааму, предполагало, что жизнь может стать вечной через потомство, и, следовательно, подчеркивало первенствующее значение деторождения в браке.

Нормальным явлением был брак - моногамный и полигамный, но конкубинат [2] также терпелся и подчас даже одобрялся, как гарантия продолжения рода (Быт. 16, 1-3). Учреждение "левирата" (Быт. 38, 8) предусматривало обязанность мужчины "восстановить семя" умершему брату, женившись на его вдове и тем обеспечивая покойному частично выживание в детях его жены. Моногамия, основанная на вечной любви мужа и жены, существовала при этом как некий идеальный образ, заключенный в истории творения, в "Песни Песней", в различных метафорах пророков, говоривших о любви Бога к Своему народу. Но этот идеал никогда не был абсолютной религиозной нормой или требованием.

В Новом Завете понимание брака претерпело коренные изменения. Различия тем более явственны, что в Новом Завете использованы категории ветхозаветного мышления для того, чтобы наполнить их новым содержанием. Так, например, нигде в Евангелии не упоминается о том, что деторождение является оправданием брака. Само по себе деторождение является средством спасения лишь тогда, когда оно сопровождается "верой, любовью и святостью" (1 Тим. 2, 15). Особенно ясно изменение ветхозаветных норм жизни видно на трех примерах:

1. Рассказ об отношении Иисуса к "левирату" приведен во всех синоптических Евангелиях (Мф. 22, 23-32; Мк. 12, 16-27; Лк. 20, 27-37). Важно подчеркнуть, что этот рассказ имеет непосредственное отношение к учению Христа о воскресении и бессмертии - учению, которое не нуждается в идее вечной жизни в потомстве. Когда саддукеи ("которые говорили, что нет воскресения") спросили, кто из семи братьев, последовательно женившихся на одной и той же женщине, будет иметь ее женой "в воскресении", Иисус отвечал, что "в воскресении не женятся, не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божий на небесах".

Эти слова часто толкуются в том смысле, что брак есть чисто земное установление, действительность которого уничтожается смертью. Такое понимание преобладало в Западной Церкви, которая разрешает вдовцам вступать в новый брак и никогда не ограничивает число этих браков. Но если считать правильным такое понимание слов Иисуса, то мы окажемся в прямом противоречии с учением о браке Апостола Павла и с канонической практикой Православной Церкви. Климент Александрийский говорил, что в этом ответе "Господь не отвергает брака, но избавляет их (саддукеев) умы от упования, что в воскресение там будут плотские страсти" [3]. Ответ Иисуса саддукеям строго ограничен значением их вопроса. Они отвергали воскресение, потому что были пропитаны иудаистским пониманием брака как возобновления земного человеческого бытия путем воспроизведения потомства. Об этом Иисус и говорит им: "Заблуждаетесь", потому что жизнь в Царствии будет подобна жизни ангелов... Поэтому ответ Иисуса - только отрицание наивного и материалистического понимания воскресения, отрицание материалистического понимания брака. Ниже мы подтвердим это разбором и других мест Нового Завета.

2. Сущность христианского брака глубоко освящена в запрещении развода Христом. Такой запрет прямо противоречит Второзаконию (Мф. 5, 32; 19, 9; Мк. 10, 11; Лк. 16, 18). Христианский брак нерасторжим, и это исключает всякие материалистические, утилитарные его истолкования. Союз мужа и жены является самоцелью; это вечный союз между двумя личностями, союз, который не может быть расторгнут ради "продолжения рода" (оправдание конкубината) или защиты родовых интересов (оправдание левирата).

Нерасторжимость эту, однако, не следует понимать как некую юридическую неотвратимость. Известная фраза из Евангелия от Матфея (кроме вины прелюбодеяния - 5, 32) напоминает нам, что в Царствии Небесном нет принудительных, в том числе и юридических, законов, что закон Христа предполагает свободу человеческого отклика и потому брак для христиан не является обязательным, и

при известных обстоятельствах этот дар Божий может быть отвергнут человеком. Евангелие вообще никогда не лишает человека его свободы, не накладывает на него железных предписаний закона. Оно исходит из того, что человек обладает даром свободы - даром единственно достойным "образа Божьего", пусть полное совершенство и невозможно. "Будьте совершенны, как Отец ваш совершенен есть". Требование абсолютной моногамии показало все несовершенство слушателей Христа (Мф. 19, 10). Фактически любовь стоит вне категорий "возможного" и "невозможного". Она есть тот "совершенный дар", который познается лишь в реальном опыте. Любовь, очевидно, несовместима с супружеской изменой, потому что в этом случае ее дар отвергается и брака более не существует. Тогда мы имеем дело не с юридическим только "разводом", но и с трагедией злоупотребления свободой, т.е. с грехом.

3. Апостол Павел, говоря о вдовстве, исходит из того, что брак не прерывается смертью и любовь никогда не перестает (1 Кор. 13, 8). Вообще отношение Апостола Павла к браку разительно отличается от иудаистско-раввинистического взгляда на брак, что особенно заметно в 1 Послании к Коринфянам, где апостол отдает предпочтение безбрачию над браком. Только в Послании к Ефессянам этот отрицательный взгляд исправлен учением о браке как образе союза Христа и Церкви; учением, которое стало основой богословия брака, созданного православной традицией.

В спорном вопросе о безбрачии вдов взгляд Апостола Павла, как он выражен в 1 Послании к Коринфянам, точно соответствует канонической и освященной традиции Церкви: Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться (1 Кор. 7, 9). Второй брак вдовца или разведенного терпим только как лекарство от "разжжения", не более того. До X века Церковь не благословляла второго брака, и он теперь является препятствием для принятия духовного сана. Современный чин благословения второбрачных ясно показывает, что он допускается только из снисхождения к человеческой слабости. Священное Писание и Предание всегда исходили из того, что верность вдовца или вдовы покойной или покойному - это нечто большее, чем "идеал", это - норма христианской жизни, потому что христианский брак - не только земной, плотский союз, но вечные узы, которые не распадаются и тогда, когда тела наши "станут духовными" и когда Христос будет "всяческая во всех".

Эти три примера ясно показывают, что Новый Завет создал новое понятие о браке и что основывается это новое представление на "благой вести" о Воскресении, принесенной Христом. Христианин призывается уже в этом мире воспринять новую жизнь, стать гражданином Царства, а идти по этому пути он может в браке. В таком случае брак перестает быть простым удовлетворением временных природных потребностей и гарантией иллюзорного выживания через потомство. Это - единственный в своем роде союз двух существ в любви; двух существ, которые поднимаются над своей человеческой природой и становятся едиными не только "друг с другом", но и "во Христе".

Древняя Церковь и римское право

В понимании римлян брак в первую очередь был не средством обеспечить вечную жизнь в потомстве, а соглашением между двумя свободными в своем выборе сторонами. Известный принцип римского права, утверждающий, что "брак есть не общение, а согласие" (*nuptius non concubitus, sed consensus facit*) [18], а также тезис Модестина "сожитительство со свободной женщиной является браком, а не конкубинатом", - из чего следует, что сожитительство с рабыней, которая не обладает правом дать свободное согласие, ни при каких условиях не может быть названо браком, - легли в основу гражданского права всех современных цивилизованных стран. Сущность брака видится в согласии, которое, в свою очередь, сообщает значимость и законность брачному договору или контракту.

Отношение к браку в римском праве как к договору между двумя свободными сторонами было прогрессивным, особенно если сравнивать его со взглядами на брак в других цивилизациях Древнего мира. Такое понимание послужило основанием для повсеместной эмансипации женщины и уравнивания ее в правах с мужчиной.

Мужчина и женщина, вступая в брак, заключали обычный юридический контракт, и потому брак не нуждался в какой-либо третьей стороне, в гаранте его юридической действительности. Государство обеспечило себе право регистрации брачных договоров, которая давала возможность следить за их законностью и обеспечивала материалами суд, если на него выносились споры, связанные с брачными отношениями.

Римское право, как и Закон Моисеев, предусматривало возможность расторжения брачного контракта. Условия, необходимые для развода, были весьма разнообразными как до, так и после начала христианской эры.

Христианская Церковь и во времена гонений, и в эпоху союза с римским государством подчинялась римским законам, регулировавшим брак. Даже когда христианство стало государственной религией, древние определения брака как контракта были введены в государственные законы и даже в церковный закон: "Номоканон из четырнадцати глав". Мы находим подтверждение этому и в славянской версии Номоканона, так называемой "Кормчей", которая была основой канонического права славянских стран до начала XIX века.

Творения святых отцов тоже строятся на римских представлениях и терминологии брака. Вот слова писателя II века Афинагора в его "Апологии" к императору Марку Аврелию (гл. 33): "Каждый из нас считает своей женой ту женщину, на которой он женат согласно вашим законам". Святой Иоанн Златоуст (404 г.) ссылается на "гражданский закон", когда определяет брак как "не что иное, как объединение или средство" (Гомилия 56 на Бытие, 2).

Число отеческих цитат по этому вопросу можно умножить до бесконечности. Однако их содержание вовсе не показывает, что Церковь оставалась безразличной к вопросу о браке, что она не имела своей собственной точки зрения, а просто усвоила господствовавшее римское понятие о браке как контракте. В следующих главах будет показано, что расхождения между Церковью и империей существовали всегда. Ни разу во всей своей истории христианская Церковь не показала яснее, что она проводит в мир новую, беспрецедентную божественную реальность. Приведенные новозаветные тексты показывают, что эта новая реальность подразумевала совершенно новое отношение к браку, в корне отличное от иудейского и римского. Но эта новая реальность не выражалась в каком-то оригинальном брачном обряде, ее природа не требовала отмены законов мирского общества. Христиане правильно поняли значение римской юриспруденции. Они оценили ее прогрессивные в социальном отношении стороны. Но при этом они никогда не забывали, что в крещении и в евхаристии им дается новый опыт жизни и совершенствования, опыт уникальный и всеобщий. Поэтому обрядовая сторона при заключении христианами брака поначалу не имела определяющего значения; в центре внимания было отношение к браку его участников, сами их личности. Если вступали в брак христиане, то и брак становился христианским, он подразумевал христианскую ответственность друг за друга и опыт христианской жизни. Поэтому для христиан брак становился таинством, а не юридическим договором двух сторон.

Брак как Таинство

Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви (Еф. 5, 32). Ни иудейский утилитаризм, ни римский легализм не могут встать рядом с новым понятием о браке - христианским, которое мы находим в 5-й главе Послания к Ефессянам, а именно: и муж, и жена могут и должны преобразовать свой "договор" в реальное Царство Божие.

Каждый человек - член земного общества, гражданин своей страны и член своей семьи. Он не может избежать требований материального существования, не может уклониться от налагаемых на него обязанностей перед обществом. Евангелие не отрицает ответственности человека в мире и в обществе. Истинное христианство никогда не призывало к отрицанию мира. Даже монахи несут свое особое служение миру отрицанием его ценности и стремлением господствовать над собой, ограничивать свою свободу. Признание человека - "образа и подобия Божия" - это прежде всего неограниченное, божественное по своей природе, свободное творчество, устремление к абсолютному Добру, к высшим формам Красоты, Любви, к пребыванию в Добре; ведь сам Бог - Добро, Красота и Любовь, и Сам Он

любит человека. Человек может взывать к Нему, слышать Его ответ, испытывать Его любовь. Для христианина Бог не отвлеченная идея, а Личность, с Которой можно встретиться: Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас (Ин. 14, 20). В Боге человек открывает истинную свою природу, потому что он и был сотворен "по образу Божию". И Христос как совершенный Бог проявил совершенную человеческую природу не вопреки Своей Божественности, а именно потому, что был совершенным Богом: в Нем Божество открылось как подлинная норма человеческого естества.

Когда человек принимает крещение и становится в Евхаристии "одним телом" со Христом, он фактически приходит к более полному выражению самого себя, приближается к истинному соединению с Богом и ближними, принимает на себя ответственность за весь мир, реализует данную Богом возможность безграничного творчества, служения и любви.

Итак, когда святой Апостол Павел называет брак "тайной" (или "таинством", что по-гречески звучит так же), он имеет в виду, что в браке человек не только удовлетворяет потребности своего земного, мирского существования, но и делает шаг на пути к цели, для которой он был сотворен, то есть вступает в Царство вечной жизни. Человек и здесь, на земле, обладает разнообразнейшими талантами - интеллектуальными, физическими, эмоциональными, - но его земное существование ограничено временем. Поэтому "родиться от воды и Духа" - значит войти в Царство вечной жизни; в Воскресении Христа это царство уже открыто и может быть опытно познано. Называя брак "таинством", святой Павел утверждает, что брак сохраняется и в Царстве вечности. Муж становится единым существом, единой "плотью" со своей женой, подобно тому, как Сын Божий перестал быть только Богом, стал также и человеком, чтобы Его народ мог стать Его Телом. Вот почему евангельское повествование так часто сравнивает Царство Божие с брачным пиром: это реализация ветхозаветных пророчеств о брачном пире между Богом и Израилем, избранным народом. Поэтому подлинно христианский брак должен быть единством не только в добродетели абстрактного этического закона или заповеди, а как Тайна Царства Божия, вводящая человека в вечную радость и вечную любовь.

Будучи тайной, таинством, христианский брак неизбежно противоречит практической, эмпирической реальности падшего человечества. Поэтому он, как и само Евангелие, является недостижимым идеалом. Но существует огромная разница между "таинством" и "идеалом". Таинство - не абстракция, а опыт, в котором человек общается с Богом. В таинстве человеческая природа, не теряя полноты человеческого естества, участвует в более высокой реальности Духа. Человечество становится еще человечнее и исполняет свою исключительную судьбу. Таинство - путь к истинной жизни, к человеческому спасению. Оно открывает дверь к истинному, неискаженному человечеству. И потому таинство - не магия. Святой Дух не подавляет человеческой свободы, а освобождает человека от уз греха. В новой жизни невозможное становится возможным, если человек свободно пожелает принять то, что дарует ему Бог. Все эти черты таинств вообще видны и в браке.

Ошибки, недоразумения и даже противление Богу, то есть грех, возможны лишь, пока человек живет сиюминутным, эмпирическим, видимым бытием падшего мира. Православная Церковь это очень хорошо понимает, поэтому тайна Царства, открываемая в браке, не сводится к набору юридических норм. Истинное понимание и оправданное снисхождение к человеческим слабостям возможны лишь, когда абсолютной нормой признается новозаветное учение о браке как таинстве.

Брак и Евхаристия

Если древняя Церковь почитала брак таинством, в котором предвосхищается радость Царства Божия, то почему она не создала особого обряда венчания, особых норм брака, а признала такой нормой брак, заключенный по законам светского общества? Церковь никогда не пыталась упразднить эти законы или разрушить раз установленный общественный строй.

Ответ на этот вопрос заключается в сути различий между браком не христианским и христианским: первый заключают между собой язычники, второй - христиане; от способа заключения брака тут ничего не изменится. Апостол Павел постоянно напоминает, что Бог живет не в "рукотворенных храмах", что "наши тела являются храмами Святаго Духа". Если мужчина и женщина, являющиеся членами Тела

Христовы, становятся в браке "одной плотью", то их союз скрепляется Святым Духом, живущим в каждом из них.

Но членами Тела Христова они становятся через Евхаристию.

На связь между браком и Евхаристией намекает уже евангельский рассказ о браке в Кане (Ин. 2, 1-11), который и читается при современном обряде венчания. Этот текст, как и многие другие места Евангелия от Иоанна, подчеркивает значение крещения и Евхаристии: как вода была претворена в вино, так и грешная жизнь человека присутствием Христа может преобразиться в новую реальность Царствия.

Древние христианские писатели, которые полностью признавали юридическую силу гражданского брака, тоже утверждают, что именно Евхаристия придает браку его специфически христианское содержание. Так, Тертуллиан (II век) пишет, что брак, "скрепленный Церковью, подтвержденный жертвоприношением (Евхаристией), запечатляется благословением и вписывается на небесах Ангелами" ("К своей жене", II, 8, 6-9). Все христиане, желавшие вступить в брак, сначала проходили через формальности гражданской регистрации, сообщавшие браку законность в глазах мирского общества, а затем принимали благословение епископа во время воскресной литургии в присутствии христианской общины. После этого их гражданский договор превращался в "таинство", имеющее непреходящую ценность и распространяющуюся далее пределов земной жизни, так как брак "записывался на небесах", а не только регистрировался на земле. Брак становился вечным союзом во Христе. О том же обряде говорится и в письме знаменитого епископа-мученика Игнатия Антиохийского (100 г.): "Те, которые вступают в брак, должны осведомить епископа, чтобы брак мог быть согласием о Господе, а не человеческим пожеланием" ("К Поликарпу", 5, 2).

Действие таинства не предполагает какого-то особого знака священнослужителя. Церковь - таинственный союз Бога со Своим народом - сама по себе является Таинством, Тайной спасения (ср. особенно Послание к Ефессянам, 3). Таинством является вхождение человека в этот союз через крещение, так как Тайна спасения тем самым прилагается к личности этого человека. Но все эти индивидуальные таинства находят свое завершение в Евхаристии (об этом писал Николай Кавасила, великий православный мистик и богослов XIV века - "О жизни Христа", РУ 150, кол. 585 В). Евхаристия сама является брачным пиром, как об этом часто говорится в Евангелии. По словам Кавасилы, "это наиболее прехвальный брачный пир, к которому Жених приводит Церковь, как невесту-деву... на котором мы становимся плотью от Его плоти и костью от Его костей" (там же, кол. 593 О).

Крещение в древней Церкви совершалось во время Литургии, как и в наши дни совершается посвящение в диаконы, священники и епископы. Первоначально так же совершался и брак. Ниже мы увидим, что канонические запреты "смешанных" браков, вторых браков и т. п. могут быть объяснены лишь пониманием христианского брака как части Тайны, вершиной которой является Евхаристия. Такие браки не могли быть таинством в полном смысле слова. Вполне законные в понятиях гражданского права, они не имели христианского ядра - единения в Евхаристии.

Многие недоразумения и неисправления, наблюдающиеся в современном отношении православных людей к браку, можно было бы легко устранить, восстановив первоначальное взаимоотношение между браком и Евхаристией. Православное догматическое богословие (даже в своей схоластической, "школьной" форме) подтвердило теоретически эту связь, заявив - в противоположность римскому католицизму, - что священник является "совершителем" брака [4]. Западное средневековое богословие, напротив, заимствованием ряда понятий из римской юриспруденции создало в догматическом богословии немало затруднений, в том числе и в вопросе о браке. По мнению католических богословов, брак - только "контракт" двух сторон, заключается самими мужем и женой, которые и являются совершителями таинства, а священник - только служителем. Как любой юридический контракт, брак расторгается по смерти одной из сторон и не расторгим, пока супруги живы. Здесь единственный вклад христианства в римский легализм - это концепция нерасторжимости брака при жизни супругов. По общему для Запада взгляду, брак прерывается смертью, как и любое человеческое соглашение, а потому он недостойн вхождения в Царство Небесное. Удивительно, что понимаемый таким образом брак продолжает называться таинством. Православная же Церковь признает священника совершителем брака

(как и совершителем Евхаристии), а потому брак признается неотделимым от вечной Тайны, разрушившей преграды между небом и землей и даровавшей человеческому дерзанию и творчеству вечное значение.

Католическая Церковь парадоксальным образом сохранила древнюю христианскую традицию в литургической практике: брак между двумя католиками заключается во время мессы, между тем как смешанные браки лишены этой привилегии. Восстановление такой практики в Православной Церкви принесло бы, конечно, большую пользу православному богословию брака, чем заимствование юридических представлений о браке из католицизма, тем более, что католическое богословие перестало смотреть на свою традиционную литургию как на основу учения о браке.

Даже в наши дни Православная Церковь подчас оказывается в положении, напоминающем первые века христианства. Так, например, в Советском Союзе совершение венчания в церкви часто невозможно из-за государственного преследования религии, однако возможно анонимное принятие Евхаристии без привлечения внимания властей. Поэтому Церковь может признавать и фактически признает браки христиан даже без церковного обряда. Эта терпимость в подобных обстоятельствах вполне законна. Но такое положение было бы, конечно, совершенно недопустимым, если бы верующие имели возможность совершать торжественную службу венчания. Во всяком случае, допущение к Евхаристии всегда предполагает уверенность в том, что данная пара не только вступает в брак законно, но и намеревается жить в соответствии с Евангелием. Та же логика применима и по отношению к неправославным парам, присоединяющимся к Церкви. В случае необходимости их перекрещивают, либо только совершают миропомазание, либо сразу допускают к православному исповеди, но вторично не венчают в любом случае, потому что сам факт допущения людей к Евхаристии уже предполагает, что Церковь благословляет их брачный союз [5]. Только полное непонимание православного учения о браке может повлечь за собой повторное венчание присоединяющихся инославных.

Венчание

До IX столетия Церковь не знала обряда бракосочетания, независимого от Евхаристии на литургии [6]. Обычно христианская пара после регистрации гражданского брака принимала участие в Евхаристии, и приобщение Святых Тайн, согласно Тертуллиану, было печатью брака, которая включала в себя всю меру христианской ответственности, о которой мы говорили выше.

Однако начиная с IV века у восточных христианских авторов находим упоминания о торжественном обряде, сопровождающем это таинство. Согласно святому Иоанну Златоусту, венцы символизировали победу над страстями, так как христианский брак заключался не "по плоти" только, но был таинством вечной жизни, таинством для вечности. В послании святого Феодора Студита (828 г.) мы читаем, что венчание сопровождалось краткой молитвой епископа или священника "пред всем народом" за воскресной Литургией. Святой Феодор приводит следующий текст молитвы: Сам, о Владыко, ниспосли руку Твою от жилища Святаго Твоего и соедини Твоих рабов и создание Твое. Ниспосли им Твое единое сочетание умов; венчай их в плоть едину; сотвори их брак честен; сохрани их ложе неоскверненным; благоволи, чтобы их совместная жизнь была безупречной (Письма, 1, 22, Р. 99, кол. 973). Литургические книги этой эпохи (например, известный "Кодекс Барберини") содержат несколько кратких молитв, подобных вышеприведенной. Все они предназначались для чтения во время литургии [7].

Однако появление обряда венчания еще не делало его обязательным для всех вступающих в брак христиан. Хорошо известный памятник византийского права - "Эпинагога", автором которого был, вероятно, знаменитый патриарх Фотий (857-867, 877-886), - регулирующий отношения между Церковью и государством, гласит, что христианам предоставляется три пути для заключения брака: "Брак, - пишет Фотий, - является союзом мужа и жены, единением, для достижения ими полноты жизни; он совершается посредством благословения, венчания или договора". (XVI, X). С VI до IX века законодатели империи позаботились об усилении контроля Церкви над браками (см., например, 64-ую новеллу императора Юстиниана), но и это не делало венчание юридически обязательным [28].

Решительный шаг в этом направлении был сделан в начале X века и совпал с появлением независимого от Евхаристии обряда венчания. Чем же была вызвана эта перемена, основательно видоизменившая если не смысл брака, то по крайней мере понимание этого смысла огромным большинством верующих?

Ответ легко найти в том же императорском указе, который провозглашал это изменение. В своей 89-й новелле византийский император Лев VI (912 г.) впервые подверг критике предыдущее законодательство за то, что такие юридические акты, как усыновление и брак, считались чисто гражданскими процедурами. Он провозгласил, что оба этих акта, поскольку они совершаются не рабами, а свободными людьми, должны санкционироваться посредством определенной церковной церемонии. Брак, не получивший благословения Церкви, "не будет считаться браком", а станет незаконным конкубинатом [8].

Некоторые аспекты этого указа заслуживают особого внимания: например, параллель между браком и усыновлением [9], а также исключение рабов из сферы действия нового закона. Но наибольшая путаница заключалась в том, что Церковь облакалась ответственностью за юридическое оформление брака. Несмотря на очень тесные отношения Церкви и государства, существовавшие в ту эпоху во всех христианских странах, такая ответственность была не совсем обычной для Церкви. Перемена была неожиданной. До императора Льва VI любой гражданин мог вступать в брак, не одобряемый Церковью (второй или третий, смешанный и т.п.), не выходя при этом из рамок закона. Если он был христианин, то подобный поступок навлек на него епитимию и отлучение (о чем ниже), но перед гражданским законом он оставался невиновным. По новому закону Льва VI Церковь должна была придавать юридический статус всем бракам, в том числе и противоречащим христианским нормам. Конечно, теоретически новая обстановка давала Церкви возможность совершенствовать нравственность граждан, но практически эта нравственность была настолько далека от совершенства, что Церковь вынуждена была [29] не только благословлять браки, некоторые она смотрела неодобрительно, но и допускать разводы. Это привело к частичному стиранию различий между "мирским" и "священным", между падшим человеческим обществом и Царством Божиим, между браком как контрактом и бракомтаинством.

Церковь заплатила дорогую цену за взятую на себя ответственность перед обществом: ей пришлось "секуляризировать" до того чисто пастырское отношение к браку и фактически оставить свою строгую покаянную дисциплину. Можно ли было, например, отказать в церковном благословении вновь вступающему в брак вдовцу, когда этот отказ влек за собой лишение его гражданских прав на один или два года? С превращением таинства брака в юридическую формальность избежать компромиссов стало невозможно. Это, в свою очередь, привело к искажению пастырской практики Церкви, а в совести верующих - глубокой идеи о браке как неповторимой и вечной связи людей, таинственно отражающей союз Христа и Церкви. Сам император Лев VI, автор "Новеллы", навязал Церкви свой собственный - четвертый - брак с Зоей Карбонопсиной, заключенный в 903 году.

Но был компромисс, на который Церковь не могла пойти ни при каких обстоятельствах: это умаление святости Евхаристии. Церковь, к примеру, не могла допустить к Святому Причастию неправославного или же брачную пару, вступающую во второй брак. Это приводило к необходимости нового брачного обряда, независимого от Евхаристии. При сложившихся обстоятельствах - укрепления юридического значения церковного брака и ослабления связи между ним и Евхаристией - создание такого обряда сделалось вполне реальным.

Однако даже "Новелла" императора Льва VI оказалась не в состоянии запретить определенной категории христиан вступать в брак посредством обряда чисто литургического характера, т. е. через Евхаристию, без совершения особого (часто очень дорогого) обряда венчания. Новый закон не касался рабов, то есть более половины населения империи. Это противоречие между брачным законодательством для рабов и для свободных было устранено императором Алексеем I Комниным (1081-1118), который издал другой закон, делавший венчание юридической обязанностью и для рабов.

Установив независимый от Евхаристии обряд венчания, Церковь, однако, не забыла глубинной связи между браком и Евхаристией; например, это очевидно из текста святого Симеона Фессалонитского,

данного в приложениях. Древние формы венчания включали в себя причащение брачующихся - по выражению церковного канона, "если они достойны". Причащению предшествовал возглас священника: "Преждеосвященная Святая Святым", а само Святое Причащение сопровождалось запричастным стихом: "Чашу Господню прииму" [10]. Брачный обряд, включающий в себя Святое Причащение, бытовал вплоть до XV века; его находят в греческих служебниках XIII века и в славянских рукописях вплоть до XV века [11].

Если брачные пары не были "достойны", т. е. когда брак не соответствовал церковным канонам, они допускались не к таинству, а лишь к чаше вина, благословенной священником. Этот обычай, схожий с раздачей благословенного хлеба или антидора после литургии "недостойным причаститься", стал повсеместным и бытует до сих пор. Но даже наш современный обряд сохраняет некоторые особенности, свидетельствующие о его первоначальной связи с Евхаристией. Он начинается, как и Литургия, возгласом "Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа" и включает в себя приобщение к общей Чаше, предваряющееся пением молитвы Господней, как перед причащением на Литургии.

Каноническая и обрядовая традиции Церкви отразили и тот факт, что Евхаристия является "истинной печатью" брака. Брак, заключенный до крещения, т. е. вне связи с Литургией, не имеет сакраментального значения [12]. Отсюда новокрещеный мог вступить в повторный брак с христианкой, и тогда только он рассматривался как потенциальный кандидат для возведения в священный сан, причем этот повторный брак рассматривался в данном случае как первый (Апостольское правило 17). С другой стороны, как говорилось выше, нехристианская пара, принятая в Церковь через крещение, миропомазание и причащение, не проходила через повторную брачную церемонию; общее участие супругов в Евхаристии являлось христианским восполнением "естественного" брака, заключенного вне Церкви. Связь между браком и Евхаристией должна быть - а это не так трудно - восстановлена в наши дни. Не является ли такой путь наилучшим для Церкви, желающей показать своим чадам истинное значение того таинства, в котором они участвуют?

Количество браков

Мы уже говорили, что непрерывная каноническая и литургическая традиция Церкви утверждает: второй брак совершенно непозволителен для христианина; он только терпим по снисходительности к человеческой слабости (1 Кор. 7, 9). Мужчина или женщина имеют, в виде исключения, возможность вступить во второй брак во Христе, если их первый союз был ошибкой (так как даже церковное благословение не всегда может магически исправить ошибку человека).

Святой Василий Великий в своем четвертом правиле говорит, что вступающие во второй брак после смерти жены или развода должны понести епитимию - то есть быть отлучены от причастия - на срок от одного до двух лет. Третий брак влечет за собой епитимию на три, четыре и даже на пять лет. "Таковой брак, - пишет святой Василий, - мы не рассматриваем в качестве брака, но многоженства или, скорее, блуда, который требует наложения епитимий" (там же).

Ясно, что христианский брак, во времена святого Василия совершавшийся через Евхаристию, не мог быть так заключен в случае отлучения от причастия, и потому вторые и третьи браки были только гражданскими соглашениями. Лишь после годичной епитимий брачные пары допускались в число верных к участию в причащении, а их брак признавался христианским.

Нормы, составленные святым Василием, проводились в жизнь по крайней мере до IX века, о чем свидетельствуют святой Феодор Студит (759-826) и святой Никифор, патриарх Константинопольский (806-815). "Те, которые вступали во второй брак, - пишет святой Никифор, - не венчались и не допускались к Честным Тайнам до двух лет; те, которые вступали в третий брак, отлучались на пять лет" (правило 2). Не столько строгость самих правил заслуживает внимания - в общем, отлучение от причастия в древней Церкви практиковалось гораздо шире, чем сейчас, - сколько стремление Церкви сохранить абсолютную уникальность христианского брака.

Только после отделения брачного обряда от Литургии Церковь стала проявлять большую снисходительность ко вторым и третьим бракам, оставив в силе вышеупомянутое правило относительно причастия. В "Канонических ответах" митрополита Ираклийского Никиты мы читаем: "Строго говоря, на тех, кто вступал в брак вторично, венцы не возлагались, но Великая Церковь (т. е. Константинопольская) обычно этих определений не придерживалась; она терпимо относилась к тому, что брачные венцы возлагались на главы таких пар... Они, тем не менее, должны были воздержаться от принятия Святых Тайн в течение двух лет".

В нашем современном требнике "Последование о двоебрачных" во многом отличается от обычного чина. Это не более чем краткое изложение обручения, которое не начинается обычным возгласением "Благословенно Царство..." (указывающим на связь брака и Евхаристии). Обычные молитвы заменены другими - покаянного характера: "Господи Иисусе Христе, Слове Божий, вознесыйся на честном и животворящем Кресте и еже на ны рукописание растерзавый и насилия диаволя избавлей нас, очисти беззакония рабов Твоих: зане зноя и тяготы дневныя и плотского разжения не могуще понести, во второе брака общение сходятся: яко же законоположил еси сосудом избрания Твоего Павлом Апостолом, рекий нас ради смиренных: лучше есть о Господне посягати, нежели разжизатися." <#13" name=b13>[13]

Второй брак (продиктованный снисходительностью к земным человеческим вожделениям) допускался только до тех пор, пока сохранялась эта идеальная норма вечного союза во имя Христа и согласие с законами будущего божественного Царства. Это и есть тот положительный идеал, который последовательно провозглашался канонами и литургией (а не абстрактно-юридическим понятием нерасторжимости). Практически эта пастырская "икономия" простирается до третьего брака, а четвертый формально запрещается. В правилах святого Василия и святого Никифора, приведенных выше, о четвертом браке не упоминается вовсе, даже как о предполагаемой возможности. Известный случай с императором Львом VI Мудрым (886-912), вызвавший долгие споры и даже раскол, закончился изданием "Тома единения" (920 г.), который запретил четвертый брак, разрешив, однако, третий, но ограничив его сорокалетним возрастом.

Установление возможности трех браков для христианина не могло, очевидно, иметь какого-либо богословского обоснования. Это установление носит чисто дисциплинарный характер и определяется "икономией", которая вовсе не является, как нередко ошибочно думают, широкой дверью к бесчисленным компромиссам. Это действительно положительная христианская дисциплина. Земные нужды "ветхого человека" могут быть рассмотрены и даже приняты во внимание, и - как меньшее из зол - удовлетворены; но само человеческое спасение требует от человека умения преодолевать уже в мире все то, что не имеет отношения к Царству Божию.

Условия вступления в брак

Христианский брак по существу своему является слиянием двух личностей в любви, любви человеческой, которая посредством таинственной благодати Святого Духа может быть преобразована в вечные узы, не нарушаемые даже смертью. Но это сакраментальное преобразование несколько не подавляет человеческой природы, всего комплекса эмоций, поступков, приятных или неприятных моментов, связанных с браком: знакомство, встречи, ухаживание, решимость вступить в брак, и, наконец, совместная жизнь с налагаемой ею нелегкой ответственностью, - все это остается и в жизни христианина. Новозаветное учение о браке отражает конкретное человеческое бытие, которое не только вверено Иисусу, но живет и действует в условиях земного мира. Те брачные правила и установления, которые предлагались и до сих пор предлагаются христианам, имеют целью защитить и сохранить это значение брака в конкретных условиях человеческой жизни. Эти правила не есть конечная цель сама по себе, так как иначе они заменили бы любовь; их цель - защитить как божественную, так и человеческую стороны брака от последствий грехопадения.

Свобода выбора и решения - это первое условие истинного христианского брака, которое православная каноническая традиция стремится сохранить. Существуют определенные каноны против насильственного принуждения женщин к браку, по которым браки, заключенные против воли,

считаются недействительными (правила святого Василия 22 и 30), а виновный мужчина подвергается отлучению (правило 27 Халкидонского Собора), так же как и уступившая ему женщина (правило 38 святого Василия). Существуют также каноны, требующие достаточно долгого периода между помолвкой и браком: этот период, юридически считавшийся браком, служил, очевидно, испытательным сроком (святое правило 98 VI Вселенского Собора, или "Пятошестого").

Если защита свободы выбора в брачном решении является совершенно оправданной, то другие установления древних канонов и христианских императоров могут быть оправданы лишь общественными, юридическими или психологическими условиями прошлого. Если, например, Кодекс императора Юстиниана, снисходительно принятый Церковью, определял нижний предел брачного возраста для мужчины и женщины в 14 и 12 лет соответственно, то следует признать, что повышение возрастной границы, происходящее в законодательстве современных цивилизованных стран, можно признать более близким к христианскому идеалу брака. Самая либеральная в этих вопросах византийская юридическая и каноническая традиция покажется чрезмерно строгой, если мы узнаем, какие дальние семейные связи или родство рассматривались как препятствие к браку.

У иудеев браки между близкими родственниками, даже двоюродными, не только допускались, но и поощрялись; римский закон запрещал брак между представителями разных поколений (например, дяди с племянницей), но не препятствовал браку двоюродных родственников. В отличие от других религий, христианство начало с весьма строгого ограничения браков не только между близкими кровными родственниками, но также и между родственниками по мужу или жене. Таким образом, последующие декреты императоров Феодосия и Юстиниана, а также определения Шестого ("Пятошестого") Вселенского Собора постановили, что тот, "кто женится на дочери своего отца (сводной сестре); или отец, или сын на матери и дочери; или отец и сын на девицах, которые являются сестрами; или мать и дочь на двух братьях; или два брата на двух сестрах - все они подпадают под правило семилетнего отлучения, предусматривающее публичный отказ от этой противозаконной связи" (правило 54).

Этот необычный текст, по всей вероятности, отчасти можно объяснить заинтересованностью христиан в сохранении человеческих отношений такими, какими они были созданы рождением или браком, желанием предотвратить семейные недоразумения и избежать неприятностей, могущих возникнуть из-за "влюбленностей" родственников. Это тем более оправдано в условиях, когда большие семьи, заключавшие в себе различные степени родства, жили совместно. С другой стороны, на соборное решение мог повлиять абстрактный принцип римского права относительно исчисления степеней родства. По этому принципу пара, вступившая в брак, юридически рассматривалась как одна личность; таким образом, мужчина признавался в первой степени родства со своей невесткой. Поэтому, если его жена умирала, он не мог вступить в брак с ее сестрой, так как по византийскому закону браки запрещались вплоть до седьмой степени родства.

В настоящее время, конечно, нет необходимости точно следовать тем правилам, которые основываются на социальных и юридических отношениях прошлого и не соответствуют никаким богословским или духовным ценностям. Единственное пастырское соображение, которым не следует пренебрегать, - это генетический риск, содержащийся в единокровных браках.

Еще более поразительными являются положения Кодекса Юстиниана (V, 4), одобренные Шестым Вселенским Собором. Они юридически уравнивают "духовные" связи, созданные восприемничеством при крещении, с кровным родством. Так, 53-е правило Пятошестого Собора запрещает не только браки между восприемниками и их крестниками, но и, что особенно подчеркивается, между крестным отцом и родной матерью новокрещеного ребенка (если она овдовела). Цель этого правила, возможно, защитить ту особую ответственность крестных родителей, которую они должны чувствовать за воспитание своего крестника в истинно христианском духе, без примеси каких бы то ни было материальных аспектов.

Желание согласовываться с древними юридическими нормами не должно умалять действительной огромной ответственности, лежащей на священниках, воспитателях, родителях и, прежде всего, на самой паре, готовящейся вступить в брак. Простым исполнением юридических и канонических норм нельзя, без сомнения, достигнуть истинно христианского брака. Христианский брак по сути своей - непрерывное совершенствование супругов не только относительно друг друга, но и, прежде всего,

относительно Христа - совершенствование, достигаемое в Евхаристии и посредством ее. Если в супружеском союзе нет такого совершенствования, то исполнение всех юридических условий не будет иметь абсолютно никакого значения.

Но что, если такое совершенствование невозможно и, более того, нежелательно для брачной пары? Что, если брак рассматривается только как некое социальное явление, или юридический договор о собственных правах, или как способ регуляции сексуальных отношений?

Эти проблемы священник разрешает всякий раз, когда он сталкивается с брачными парами, отношение которых к Церкви является чисто периферийным. В такой ситуации священник должен объяснить им сущность христианского брака, всякий раз ставя вопрос: не лучше ли ограничиться в данном случае гражданской церемонией, не вступая в церковный брак без понимания или согласия с его истинным значением. Вдвойне острым становится этот вопрос в связи со смешанными браками.

Смешанные браки

Официальным условием церковного брака является союз веры - то есть принадлежность супругов к Православной Церкви. Определения Лаодикийского (правило 10 и 31), Карфагенского (правило 21), Четвертого и Шестого Вселенских Соборов (Халкидонский, правило 14, "Пятошестой", правило 72) запрещают браки между православными и неправославными и предписывают расторгать такие браки, если они зарегистрированы гражданскими властями.

Но, конечно, это не формальный вопрос. Общность веры делает брак истинно христианским. Безусловно, и не принадлежа к одной Церкви, можно наслаждаться дружбой, разделять интересы друг друга, ощущать истинное единение и "пребывать в любви" друг к другу. Но весь вопрос в том, можно ли все эти человеческие отношения изменить и преобразить в реальность Царства Божия, если отношения эти не обогащены опытом принадлежности к Царству, если они не скреплены одной верой. Можно ли стать "единым телом" во Христе без совместного причащения Его евхаристического Тела и Крови? Может ли брачная пара войти в таинство брака - таинство, относящееся "ко Христу и Церкви", - не участвуя вместе в таинстве Божественной Литургии?

Это уже не формальные вопросы, это коренные проблемы, на которые должны ответить все, так или иначе сталкивающиеся с проблемой смешанного брака. Безусловно, самые легкие решения дает конфессиональный релятивизм ("между нашими церквями немного различий") или простое устранение Евхаристии из средоточия христианской жизни. К несчастью, современная практика венчания, не различающая браков единославных и смешанных, толкает именно на последний путь. Мы уже говорили, что такая практика проистекает из постепенной десакрализации брака, а отделение венчания от Евхаристии - крайнее выражение этого процесса. В древней Церкви каноны, запрещающие смешанные браки, понимались всеми - каждый знал, что православный и инославный не могут совместно участвовать в Евхаристии, посредством которой благословляется брак. Этот и без того спорный вопрос еще более усложнен с недавних пор протестантской практикой "интеркоммуниона" между разделенными христианами, практикой, частично принимаемой и современными католиками. Личные и общественные обязанности по отношению к видимой Церкви Христовой в ее Евхаристии здесь могут на деле заменяться расплывчатой и пассивной религиозностью, для которой таинства играют весьма второстепенную роль [\[14\]](#).

Отказываясь от "интеркоммуниона", Православная Церковь не отвергает христианского единства. Наоборот, она защищает истинное и полное единство и отвергает все его суррогаты. Поэтому и в отношении брака Церковь желает, чтобы супруги наслаждались полным единением во Христе, а потому считает истинно освященными лишь те браки, в которых два существа соединяются в совершенном единстве веры, скрепляемом печатью Евхаристии.

"Смешанные" браки часто имели место в прошлом. В нашем плюралистическом обществе, где православные представляют всего лишь незначительное меньшинство, смешанные браки составляют большой (и постоянно растущий) процент всех браков, благословляемых в наших церквях и также, к

сожалению, вне Православия. Все мы знаем, что некоторые подобные браки приводят к созданию счастливых семей, и было бы неблагоприятно и нереально огульно их запрещать. На деле некоторые смешанные браки оказываются прочнее и счастливее, чем браки православных, которые никогда не слышали об истинном значении христианского брака и не принимали на себя никакой христианской ответственности перед Богом.

Эта бесспорная истина не умаляет того, что Евангелие призывает нас не к частичному раскрытию истины и даже не "к счастью" в общепринятом человеческом смысле. Господь говорит: Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48). Христианство немислимо без борьбы за совершенство. Религиозное безразличие или принятие христианской веры как второстепенного аспекта жизни само по себе исключает стремление к совершенству, о котором говорит Христос. Церковь никогда не сможет примириться с индифференцизмом и релятивизмом.

Следовательно, православный священник не может благословить брак между православным и инославным. Очевидно также, что произносить имя Иисуса Христа перед человеком, не признающим Его Своим Господом, лишено всякого смысла. Такая молитва была бы неуважением не только по отношению к Богу, но и по отношению к человеку и его убеждениям (или отсутствию убеждений). Когда один участник будущего брака является крещеным христианином, благословение Православной Церкви оправдывается уверенностью Апостола Павла в том, что неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим (1 Кор. 7, 14). Но вероятнее, эти слова относятся к браку, в результате которого один из участников обращается к правой вере, а не к тому, в котором член Церкви сочетается с человеком. Церкви не признающим. В любом случае Церковь надеется, что религиозное единство семьи будет восстановлено и придет день, когда оба супруга объединятся в Православии.

Правило, принятое некоторыми православными епархиями, - требовать от участников смешанных браков письменного обязательства крестить детей и воспитывать их в православии, - является (по крайней мере, в отношении подписавшего) очень сомнительным как с принципиальных позиций, так и с точки зрения действенности. Здесь не может быть компромиссов: либо православный супруг должен быть настолько сильным в убеждениях, чтобы передать собственное религиозное направление детям и уверенно ввести всю семью в Церковь, либо он вообще отказывается от каких-либо действий. К тем же, кто заключает брак вне Православной Церкви, пастырское отношение должно быть вполне определенным. Такой брак рассматривается как измена таинственной благодати, которая получена от Церкви в крещении, а это фактически несовместимо с принадлежностью к Церкви.

Многие недоумения, связанные со смешанными браками, разрешились бы и для православных, и для инославных, если бы была возрождена древняя практика, объединяющая в единое целое брачный обряд и Евхаристию. Тогда при венчании смешанных пар должна была бы использоваться совершенно отличная, независимая от Евхаристии церемония (как и при втором или третьем браке православных). Невозможность благословения смешанных браков во время Литургии сама по себе была бы достаточно красноречивой и показывала бы, во-первых, истинную сущность освящаемого Церковью брака; во-вторых, пастырскую терпимость, проявляемую Церковью при благословении смешанного брака, и, наконец, в-третьих, желание Церкви, чтобы смешанный брак пришел к совершенству в союзе веры и совместному участию в Евхаристии.

Развод

Упорство католицизма в вопросе о юридической нерасторжимости брака, полного запрета на развод и второй брак при жизни супруга все еще остается предметом споров. Православная позиция по этому вопросу очень часто определяется простым противопоставлением католицизму. Но правильно ли заявить, что "Православная Церковь допускает развод"?

Традиционная позиция католицизма и канонические правила о разводе и второбрачии основываются на двух посылах: 1) брак является контрактом, юридически нерасторжимым для христиан; 2) брачный контракт касается только земной жизни, и, следовательно, он расторгается со смертью одной из сторон.

Православный же подход к этому вопросу определяется другими, совершенно отличными посылками:

1) Брак - это таинство, заключающееся в священническом благословении членов Тела Церкви; как любое таинство, брак относится к вечной жизни в Царстве Божиим и, следовательно, не прерывается со смертью одного из супругов, а создает между ними, если они того пожелают и если это дано им (Мф. 19, 11), - вечную связь.

2) Как таинство, брак - не магическое действие, а дар благодати. Участники его, будучи людьми, могут ошибиться и просить о благодати брака, когда они еще не готовы принять ее или сделать ее плодотворной.

По этим причинам Церковь допускает, что благодать могла быть "не воспринята", и позволяет расторжение брака и второй брак. Конечно, Церковь не поощряет второбрачия, даже, как мы увидим, второбрачия во вдовстве - по причине вечного и неразрывного характера брачной связи; Церковь лишь допускает второй брак, когда в определенных случаях находит его лучшим решением для человека.

Хорошо известно осуждение развода, высказанное Христом: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала было не так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует (Мф. 19, 8-9; ср. 5, 31-32; Мк. 10, 2-9; Лк. 16, 18) [15]. Но возможность развода из-за прелюбодеяния и слова Апостола Павла о том, что жена . может развестись с мужем (1 Кор. 7, 11), ясно показывают, что Новый Завет не понимает под неразрывностью брачных уз абсолютного запрета на человеческую свободу. Эта свобода предполагает возможность греха и его последствий; в конечном счете грех может расстроить и брак.

Однако нигде в Новом Завете определенно не разрешается второй брак после развода. Апостол Павел, допуская возможность второго брака для вдовствующих, в то же время крайне отрицательно относится ко второму браку между разведенными: А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, - если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, - и мужу не оставлять жены своей (1 Кор 7, 10-11).

Как понимает Церковь это утверждение? Отцы Церкви в огромном большинстве своем вслед за Апостолом Павлом осуждали любую форму второбрачия, будь то брак после вдовства или после развода. Афинский философ из неопитов Афинагор, автор "Апологии христиан" (ок. 177 г.), как бы выражает мнение всех отцов древней Церкви, когда особо говорит о втором браке разведенных из-за "прелюбодеяния", подчеркивая, что "тот, кто освобождается от своей первой жены, даже если она умерла, нарушает супружескую верность в определенной скрытой форме" (Р 6, кол. 968). Но Церковь никогда не относилась к Евангелию как к системе принудительных юридических предписаний человеческому обществу. Евангелие должно быть принято обществом как абсолютная необходимость, как залог наступления Царства; оно предполагает постоянную борьбу личности с грехом и злом, но оно никогда не низводится до понятия кодекса юридических обязательств или обязанностей.

Таким образом, в христианской империи допускались разводы и повторные браки. Законы христианских императоров, особенно Константина, Феодосия и Юстиниана, определили различные юридические основания, по которым допускались развод и второбрачие. Мы не можем перечислить их все в этой книге. В целом они были достаточно снисходительны. До закона императора Феодосия II (449 г.), запретившего развод, последний был результатом взаимного согласия сторон. Вновь развод был разрешен Юстинианом II в 556 году и отменен только в VIII веке. Развод с правом вступления во второй брак допускался не только по причине супружеской неверности, но и из-за политической измены, умышленного убийства, исчезновения из семьи на пять лет и более, доказанного обвинения в прелюбодеянии и, наконец, как результат пострижения одного из супругов в монахи [16].

Никто из отцов Церкви не осуждал эти императорские законы за подрыв христианских принципов. Они понимали неизбежность этих законов. Императоры, подобно Юстиниану I, искренно стремились к созданию такого законодательства, которое согласовалось бы с христианскими идеалами. Формулируя

тот или иной закон, императоры не чуждались компетентного совета епископов и богословов. Зачастую эти советники противились императорской воле, если она посягала на православие; но с законодательством о разводе они соглашались. Это законодательство нашло отражение в сочинениях многих Отцов. "Тот, кто не может хранить целомудрие после смерти первой своей жены, - пишет святой Епифаний Кипрский, - или кто развелся со своей женой на таких достаточных основаниях, как блуд, прелюбодеяние или другое злодеяние, если он берет другую жену или если жена выходит за другого замуж, божественное Слово не осуждает его, не отлучает от Церкви или жизни; Церковь терпимо относится к этому, вследствие его слабости" ("Против ересей", 69, Раз. 41, кол. 1024 С - 1025 А).

Разрешая разводы. Церковь, однако, бесчисленное множество раз разъясняла людям зло развода. Терпимость к государственным законам о разводах и на Востоке, и на Западе была терпимостью к "неизбежному злу".

Была ли то снисходительность или капитуляция? Конечно, первое. Церковь всегда оставалась верна нормам новозаветного откровения: только первый и единственный брак благословлялся Церковью во время Евхаристии.

Мы уже видели, что второй и третий браки вдовствующих заключались только путем гражданской церемонии и предусматривали церковное покаяние от одного до пяти лет с отлучением от причастия. После указанного срока брачная пара вновь рассматривалась как полноправный член Церкви. Повторные браки после развода требовали более продолжительного покаяния, в течение семи лет. "Тот, кто свою законную жену оставляет и берет себе другую, виновен в прелюбодеянии, по слову Господа". Установлено правилами Отец наших, что такие должны быть в разряде "плачущих" в течение года, два года в числе "слушающих чтения Писаний", три года в "припадающих" и в седьмой год стоять с верными, и таким образом быть допущенными впредь к Причащению" (Шестой Вселенский Собор, правило 87).

Существовало, безусловно, большое число дополнительных моментов, связанных с различием между виновной в разводе стороной и невиновной; на практике пастырская "икономия" Церкви была более снисходительной, чем приведенный текст. Однако разведенным по причине прелюбодеяния приходилось долгое время (в соответствии с евангельским текстом) быть отлученными от верных Церкви и пребывать в храме среди "плачущих", "слушающих" (т. е. тех, кто слушал Священное Писание, но не допускался к таинствам) и "припадающих" (т. е. тех, кто был обязан в определенные моменты богослужения становиться на колени, в отличие от верных, имевших право в это время сидеть или стоять).

Церковь, следовательно, никогда не "признавала" развода и не "давала" его; развод всегда рассматривался как серьезный грех. Но Церковь всегда видела свою задачу в спасении грешников, давала им возможность исправиться, всегда была готова допустить их в число верных после покаяния.

И только после X века, получив от императоров монополию юридической регистрации браков и определения их законности. Церковь была вынуждена "давать разводы" в соответствии с гражданским законодательством Римской империи, а впоследствии - других стран. Новое положение привело к утрате верующими представления об уникальности брака по христианскому учению. Церковный брак и церковный развод сделались пустой формальностью, внешним юридическим фактом, незаконными с точки зрения строгой христианской этики.

Я бы предложил нашим церковным властям, основываясь на Священном Писании и церковной традиции, прекратить давать "разводы" (которые с недавнего времени стали совершаться в гражданских судах) и вести дела, связанные с разрешением на вторые браки. Такие разрешения должны были бы сопровождаться определенными формами покаяния (в соответствии с каждым индивидуальным случаем) и дарованием церковного благословения по чину "второго брака". Подобное изменение сделало бы положение нашей Церкви более определенным и дало бы возможность плодотворнее совершать свое служение проповеди, руководства и духовного врачевства.

Семья и регулирование рождаемости

Сам Иисус накануне Своей смерти на кресте в незабываемый момент Тайной Вечери напомнил о радости деторождения: Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир (Ин. 16, 21). Все родители знают, что "скорбь", которая так часто забывается после рождения ребенка, есть не только физическое страдание матери, но и исток таких, например, беспокойств, как денежное положение семьи, о котором родители обычно думают еще до появления детей. Через все это обычно проходит каждая семья, когда новое живое существо, беспомощное и доверившееся вам, появляется в семье и нуждается в вашей любви и заботе.

Здесь хочется отметить отношение Иисуса к детям: Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 2-3). Можно ли понять все глубинное значение этого предостережения Господа, по всей вероятности, наиболее сокровенного во всем Евангелии, если родители намеренно лишают себя счастья иметь детей?

Деторождение и воспитание детей - величайшая радость и подлинно Божие благословение. Не существует христианского брака без чистого и горячего желания обоих родителей обладать этой радостью, делить ее друг с другом. Брак, в котором дети нежелательны, основан на поврежденной эгоистической и похотливой любви. Давая жизнь другим, человек подражает творческому акту Бога, и, отказываясь от этого, он не только отвергает своего Творца, но искажает и свое собственное естество, потому что без желания подражать Творцу жизни и Отцу всяческих человек перестает быть "образом и подобием Божиим".

Но выше мы видели, что христианский взгляд на брак существенно отличался от ветхозаветно-иудаистского именно тем, что для древних евреев брак имел значение лишь как средство продолжения рода, в то время как для христиан брак является самоцелью, союзом двух существ в любви, отражающим союз между Христом и Церковью. И действительно, нигде - ни в Евангелии, ни у Апостола Павла, ни в святоотеческой литературе - мы не найдем оправдания брака детьми. В своей великолепной 20-й гомилии на Послание к Ефессянам святой Иоанн Златоуст определяет брак как "союз" и "тайну" и лишь изредка упоминает о деторождении (см. ниже. Приложение).

Современное христианское мышление, католические воззрения на вопрос крайне запутанны. Папская энциклика, запрещающая искусственный контроль над деторождением, мало помогает разъяснению вопроса, как и обильные к ней комментарии, часто ее искажающие, а то и просто извращающие.

В вопросе о половой жизни и браке в западном мышлении до последнего времени почти всецело господствовало учение Блаженного Августина (IV-V вв.). Августин рассматривал половую жизнь и естественный половой инстинкт человека как источник, через который вина первородного греха Адама передавалась его потомкам. Поэтому брак считался греховным, а половая жизнь могла быть оправдана лишь через деторождение. Следовательно, если деторождение искусственно предотвращается, сексуальные отношения становятся по существу своему греховными даже в законном браке.

Православная Церковь так же признает святость Августина, как и Католическая, но его догматический авторитет не имеет привкуса непогрешимости, как на Западе. Если в восточной монашеской литературе половая жизнь иногда и отождествляется с грехом, то в целом Предание Церкви прочно придерживается решений Гангрского Собора (см. ниже, Приложение), который категорически отверг учение, осуждающее брак. Половой инстинкт, в его извращенной и падшей форме, часто сливается с грехом, но он все же не является тем источником, через который греховность распространяется на все поколения человечества. Брак как таковой сакраментален, то есть отношения мужчины и женщины искуплены Крестом Христовым, преображены благодатью Духа и превращены любовью в вечные узы.

Если половая жизнь равнозначна греху, если только деторождение может искупить эту вину, то брак и продолжение рода по сравнению с целибатом - то же, что жалкий суррогат по сравнению с подлинным христианским идеалом. В этом смысле супружеские отношения практически не имеют положительного христианского значения; та супружеская пара, которая избегает деторождения, является определенно греховной, - если принять взгляд Августина на половую жизнь и брак. Даже если бы недавняя папская энциклика "Humanae vitae", запрещающая контроль над деторождением, не основывалась на учении Августина, а отражала положительный взгляд на ценность человеческой жизни, все равно на деле представление о греховности половой жизни, господствовавшее в католическом мышлении прошлого, хоть и косвенно, но мешает современному церковному руководству изменить свою позицию в вопросе о контроле над зачатием.

Православная Церковь за всю свою историю никогда не связывала себя определенными высказываниями по данному вопросу. Но это вовсе не значит, что проблема контроля над зачатием и деторождением абсолютно безразлична для православных и не имеет отношения к их жизни. Мы уже видели, что христианское отношение к браку подразумевает: - деторождение естественно и свято, является неизбежной частью христианского брака; - дать новую жизнь - привилегия человека, дарованная ему Богом, привилегия, от которой он не имеет права отказываться, если хочет сохранить "образ и подобие Божие", предоставленные ему при творении.

Папская энциклика замечательна подтверждением обоих этих тезисов, а потому не следует ею пренебрегать лишь оттого, что она папская.

Но в споре о планировании семьи есть и другие аспекты, широко обсуждаемые в современном мире. Например, чтобы "жизнь", даруемая родителями их детям, носила вполне человеческий характер, она не должна ограничиваться физическим существованием; следует включить в нее и родительскую заботу, и образование, и достаточное материальное обеспечение. Готовясь к рождению детей, родители должны быть готовы к исполнению и этих обязанностей. Однако бывают экономические, социальные и психологические ситуации, в которых ясно, что никаких гарантий дать нельзя. Иногда мы почти с полной уверенностью можем сказать, что следующему поколению придется пережить и голод, и психологическую нищету.

В таких ситуациях особенно важное значение имеет вопрос планирования семьи, вопрос, старый как мир. Безусловно, любая форма аборта, т. е. преднамеренного уничтожения утробного плода, признается христианами убийством и всегда осуждается Церковью. Но является ли воздержание единственно приемлемым выходом? Не является ли само воздержание формой ограничения богодарованной силы деяния и продления жизни? Как Новый Завет, так и церковное Предание считают воздержание приемлемой формой планирования семьи. Современное католическое учение также советует периодическое воздержание, запрещая "искусственные" средства, например, пилюли. Но существует ли на самом деле различие между средствами, которые обычно подразделяют на "искусственные" и "естественные"? Имеется ли какой-либо медицинский контроль за "искусственным" контролированием человеческих функций? Не будет ли оно поэтому признано греховным? И, наконец, вопрос, имеющий серьезную богословскую основу: можно ли считать все "естественное" - "хорошим"? Ведь еще Апостол Павел говорил, что воздержание может вести к "разжиганию". Способна ли наука сделать контроль над деторождением таким же естественным, как контроль над питанием, жилищем, здоровьем?

Чтобы правильно решить вопрос о контроле над рождаемостью, недостаточно удовлетворительно ответить на все эти вопросы. Даже если бы отдельные церковные власти и попытались одобрить такой контроль, в целом он никогда не получил бы признания. Во всяком случае, православная церковная традиция никогда не руководствовалась принципом разработки стандартных формул по спорным вопросам морали. Не может быть универсальных предписаний о необходимости воздержания; решающей остается личная решимость, неизбежная для одних брачных пар, но вовсе не являющаяся необходимостью для других. Это особенно верно в отношении противозачаточных средств.

Вопрос о контроле над зачатием и о его приемлемых формах может быть решен строго индивидуальным порядком каждой христианской семьей. Только сами супруги могут принять единственно правильное решение, если они серьезно относятся к христианским обязанностям и глубоко

веруют в Промысл Божий, избегая чрезмерной заботы о материальном обеспечении {Не собирайте себе сокровищ на земле - Мф. 6, 19), видя в детях великую радость и дар Божий; при условии, если их супружеская любовь не носит чисто плотского и эгоистического характера, если они постоянно помнят, что любовь, низведенная до уровня секса, перестает быть любовью. Например, в обеспеченном американском обществе практически нет смысла избегать рождения детей в первые два года брака. Во всяком случае, совет умного духовника может сыграть большую роль для совершения правильного "первого шага" в брачной жизни.

Духовенство и брак

Новый Завет упоминает, что по крайней мере некоторые из апостолов, включая Апостола Петра, были женаты. Наличие жены считалось вполне нормальным для тех, кто принимал священство, и не препятствовало их служению: Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, целомудрен, благочинен, честен... хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью (1 Тим. 3, 2-4).

Древние каноны разрешали людям, намеревавшимся принять сан священника или епископа, пребывать в браке, если их союз носил вполне христианский характер. "Кто по святом крещении двумя браками обязан был или наложницу имел, тот не может быть епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни членом священного чина" (Апостольское правило 17). Мы видели, что второй брак разрешался только мирянам. Вышеприведенное правило полностью исключает его для духовенства, ибо рукоположение предполагает готовность человека для проповеди полноты христианской жизни и в особенности христианского взгляда на единственность брака как подобия союза Христа и Церкви. Строгие требования относятся и к жене священника: "Взявший в супружество вдову, или разведенную женщину, или блудницу, или рабу, или актрису [\[17\]](#), не может быть епископом или пресвитером, или диаконом, или вообще в числе духовенства" (Апостольское правило 18). И здесь видно понимание безусловной моногамии как христианского идеала, единственно достойного скрепления священной печатью Евхаристии и достижения священной полноты. Вспомним, что вторые браки Церковью не благословлялись.

Это требование не распространяется на гражданские браки, заключенные до крещения, т. е. вне Церкви. Мы видели, что подобные союзы не считались браками и не были препятствием для рукоположения человека, вступавшего затем в брак в лоне Церкви.

Все церковные каноны утверждают, что женатые мужчины могут стать членами клира, но что духовенство высших степеней не имеет права на вступление в брак после посвящения; Анкирский Собор в IV веке еще позволял диаконам жениться, если во время рукоположения они заявляли о таком намерении (правило 10). Официально эта практика была отменена императором Юстинианом в 123-й его новелле; "Пятошестой" (Шестой Вселенский) Собор утвердил, как и в других случаях, императорский закон: "Поскольку сказано в Апостольских правилах, что из производимых в клир безбрачных только чтецы и певцы могут вступать в брак, то и мы, соблюдая это, определяем: пусть отныне ни иподиакон, ни диакон, ни пресвитер не имеют позволения, по совершении над ними рукоположения, вступать в брачное сожительство: но если кто осмелится так поступить, да будет извержен..." (правило 6).

Это каноническое законодательство руководилось на духе канонов, требующих от кандидатов в священнослужители зрелости и верности. В древней и средневековой Церкви бытовало правило, запрещающее совершение рукоположения над человеком, не достигшим тридцатилетнего возраста (Шестой Вселенский Собор, правило 14). Если в настоящее время Церковь отступает от этого канона и рукополагает людей и моложе, это ни в коей мере не снимает требования духовной зрелости. Мужчине, желающему вступить в брак, ищущему себе жену, всегда не хватает твердости духа, независимо от возраста. Вполне законное и неизбежное стремление нравиться, забота о внешности естественны для мужчины в такое время, но не приличествуют человеку, чьим заботам вверено попечение о человеческих душах, кто должен посвятить себя единственной задаче - проповеди Царства Божьего.

Отсюда правило Церкви: к диаконскому и священническому служению допускаются только те, кто сделал твердый и окончательный выбор между браком и celibатом.

Безусловно запрет жениться после посвящения носит иной характер, чем требование к священнику быть женатым один раз, не на вдове и не на разведенной. Первый запрет вызван необходимостью соблюдения пастырского достоинства и дисциплины; последнее направлено на достижение абсолютной моногамии клира и охраняет библейское и догматическое учение о браке. Главная причина запрета вдовому священнику вступать в новый брак (запрет, часто влекущий за собой личную трагедию) - то, что Церковь признает сакраментальным, единственным вечный союз мужа с женой и поэтому не может не требовать от своих священнослужителей сохранения той чистоты жизни, которую они проповедают другим через свое служение. Твердая позиция Православной Церкви по этому чрезвычайно важному вопросу является самым ярким свидетельством того, что она остается верной учению о браке, заключенному в Новом Завете, хотя ее "икономия" допускает второй и третий браки для мирян.

Более позднее каноническое право предписывает посвященным в епископский сан не вступать в брак. Это правило, введенное с чисто дисциплинарной целью и основанное на законе императора Юстиниана, было подтверждено Шестым ("Пято-шестым") Вселенским Собором. Оно не ограничивает стремление епископов к celibату, но допускает избрание на это высокое служение и тех, кто, будучи в браке, разлучится со своими женами: "Жена производимого в епископское достоинство, предварительно разлучившись со своим мужем, по общему согласию, по рукоположении его во епископа, пусть вступит в монастырь, созданный далеко от обитания этого епископа, и пусть пользуется содержанием от епископа" (правило 48). В настоящее время разводы по обоюдному согласию супругов для достижения мужем епископского сана, к счастью, крайне редки, и епископ чаще всего избирается из числа вдовых священников или иеромонахов. Древняя церковная традиция, как свидетельствует сороковое Апостольское правило, знала многих епископов, состоявших в браке: например, святого Григория, епископа Нисского, брата святого Василия Великого (IV век) и многих современных ему епископов.

Законодательство императора, запрещавшее посвящение в епископский сан состоявших в браке священников, было издано в то время, когда элита христианского общества уже в немалой степени состояла из монашествующего духовенства. Кроме того, этот закон исходил из убеждения, что епископ вступал в мистический брак со своей епархией и что его служение требовало от него отдачи всех сил Церкви.

В настоящее время канонические правила относительно посвящения в епископский сан слишком строги. Однако нет никакой уверенности, что изменение этого правила - осуществленное, например, печально известной обновленческой группировкой в 1922 г. - послужит средством и гарантией постановления в епископы лучших людей общества. По крайней мере нынешняя практика препятствует любому клирику достичь епископского сана, чем своеобразно охраняет харизматический принцип его избрания. В любом случае возможность возвращения к древней христианской практике избрания епископа из числа женатого духовенства зависит от решения нового Вселенского Собора Православной Церкви.

При этом следует сказать, что в целом пастырские и дисциплинарные ограничения Церкви относительно брака после рукоположения и монашествующего епископата не нарушили чистоты православной традиции. Брак не рассматривается этими ограничениями как некое неполноценное состояние: он благословен Богом. "Поэтому, - провозглашает Шестой Вселенский Собор, - если кто, поступая вопреки Апостольским правилам, посмеет кого-либо из священников, т.е. пресвитеров, или диаконов, или иподиаконов лишать союза и общения с законною женою, да будет извержен. Подобно, если кто, пресвитер или диакон, под видом благоговения, изгонит жену свою, да будет отлучен..." (правило 13; см. также 4-е правило Гангрского Собора). Поэтому в православии совершенно невозможны проблемы, перед которыми стоит теперь Римская церковь, в течение многих веков придерживавшаяся взглядов Блаженного Августина на брак, ныне широко оспариваемых, и буквально навязавшая celibат клиру. В России еще совсем недавно приходским священником могло быть только лицо, состоящее в браке, а монашествующее духовенство занимало учебные и административные посты

в Церкви. Современная практика отличается еще большей гибкостью и дает возможность многим иеромонахам вести приходскую пастырскую деятельность.

Во всяком случае, вне зависимости от оттенков церковной дисциплины, Православная Церковь твердо считает брачные узы духовенства положительной нормой церковной жизни, если сохраняются принципы единственности и сакраментальности брака.

Брак, целибат и монашество

Христианская этика парадоксальна вообще, и в частности, потому, что брак и целибат, предполагающие, казалось бы, различные принципы поведения, основываются на едином богословии Царства Божьего, следовательно, на единой духовности.

В начале этой книги было показано, что особенностью христианского брака является преобразование и видоизменение естественных отношений мужчины и женщины в вечные узы любви, не прерываемые смертью. Брак - таинство, потому что в нем - будущее Царство Божие, брак - это пир Агнца (Откр. 19, 7-9), в нем предвкушается и предызображается вся полнота единения между Христом и Церковью (Еф. 5, 32). Христианский брак видит свое завершение не в плотском удовлетворении, не в достижении определенного социального положения, а в эсхатоне - "конце всех вещей", который Господь готовит для Своих избранных.

Целибат - и особенно монашество - основаны на Писании и Предании Церкви, они непосредственно связаны с представлением о будущем Царстве. Сам Господь сказал, что когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут как ангелы на небесах (Мк. 12, 25). Но выше уже говорилось, что эти слова не следует понимать в том смысле, будто христианский брак уничтожится в будущем Царстве; они указывают лишь на то, что плотский характер человеческих отношений аннулируется. Так, Новый Завет неоднократно восхваляет безбрачие как предвкушение "ангельской жизни": Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного, - говорит Христос (Мф. 19, 12). Великий образ святого Иоанна Крестителя, Апостола Павла и "ста сорока четырех тысяч", упомянутых в Апокалипсисе (Откр. 14, 3-4), служат достойным образцом бесчисленному множеству христианских святых, сохранивших чистоту девства во славу Божию.

Древние христиане и Отцы Церкви обращали особое внимание на девство, вероятно, это было естественной реакцией на половую распущенность языческого мира и отражением христианского эсхатологизма. Можно сказать, что монашество для многих его приверженцев было лучшим разрешением стоящих перед ними этических проблем. Но несмотря на это, Церковь сохранила не знающую компромиссов уникальную ценность христианского брака. Эта безоговорочность в признании таинства брака говорит сама за себя, если учесть, что лишь немногие церковные писатели признавали сакраментальный характер обряда пострижения в монахи. Эта непреходящая ценность брака нашла прекрасное выражение в творениях Климента Александрийского - одного из создателей христианского богословия (III век), а также великого Иоанна Златоуста (отрывки из их сочинений даны в Приложении).

И брак, и целибат, таким образом, являются путями евангельской жизни, предвкушением Царства, которое уже было явлено во Христе и проявится в своей силе в последний день. Вот почему мы можем признать только брак во Христе, скрепленный Евхаристией, и безбрачие "во имя Христа", несущие в себе эсхатологический смысл, - а не тот брак, что заключен случайно, как некий контракт или результат плотского наслаждения; не тот целибат, который принят по инерции или, что еще хуже, из безответственного эгоизма и самозащиты. Церковь благословляет монахов, аскетов, духовных людей, благословляет и христианские браки, но не имеет необходимости благословлять старых холостяков и старых дев.

Точно так же как христианский брак предполагает жертвенность, ответственность за семью, самоотдачу и зрелость, христианский целибат немислим без молитвы, поста, послушания, смирения, милосердия и постоянных аскетических упражнений. Современная психология не обнаружила, что отсутствие сексуальной активности создает какие-либо проблемы; Отцы Церкви знали это очень хорошо и разработали великолепную систему аскетических упражнений, на которых строится монашеская жизнь и которые делают девственность и воздержание не только возможными, но и плодотворными. Они знали, в отличие от некоторых современных психологов, что присущий человеку инстинкт любви и размножения не обособлен от остальных проявлений человеческого бытия, а представляет собой центр его. Он не может быть подавлен, но может быть преображен, видоизменен и при помощи молитвы, поста и послушания во имя Христа направлен в русло любви к Богу и ближнему.

Кризис вокруг вопроса о целибате в католической Церкви вызван его принудительным характером, который лишает это служение одухотворенности и превращает его из естественной потребности в нечто невыносимое и излишнее. Служения, ежедневная месса, особый молитвенный образ жизни в изоляции от мира, в бедности и посте теперь католическим духовенством оставлен. Современный священник не особенно ограничивает себя в отношении удовлетворения материальных потребностей (пищи, комфорта, денег); он не соблюдает какую-то настоящую дисциплину молитвы. Но в таком случае его безбрачие утрачивает свой духовный смысл, то есть эсхатологический характер, указывающий путь к Царству. Как отличны от этого Царства обычно комфортабельные дома приходских священников, как несовместимы положения современной теологии - "вживание в мир", "социальная ответственность" - с путями достижения Царства! К чему же тогда целибат?

Но в православном понимании целибат, предпринимаемый исключительно с целью достижения епископского сана, еще более опасен в духовном отношении. Предание Церкви единодушно утверждает, что подлинная чистота и истинная монашеская жизнь осуществимы лишь в монастырском общежитии. Лишь очень немногие особо сильные личности могут сохранить безбрачие, живя в миру. Смирение - единственная добродетель, которая может облегчить их бремя; но, как мы все знаем, это одна из наиболее трудно достижимых и потому редчайших добродетелей.

Монашество всегда расценивалось православием как подлинное свидетельство Благовестия Христа. Монахи, как в свое время ветхозаветные пророки и первохристианские мученики ("свидетели"), внесли достойный вклад в утверждение христианства. Личным примером просветленной, радостной, наполненной высшим содержанием жизни молитвы и служения, независимой от обстоятельств этого мира, монахи дали живое доказательство тому, что Царство Божие воистину внутри нас. Восстановление этой традиции имело бы совершенно особое значение для окружающего нас воинственно-секуляризованного мира. Нынешнее человечество, претендующее на полную самостоятельность, не просит помощи у христианства в своих поисках "лучшего мира". Однако оно может вновь заинтересоваться помощью Церкви, если последняя явит миру не только "лучшее", но и действительно новое и высшее бытие. Вот почему сейчас многие молодые люди, занятые поисками этого нового и высшего, находят его, в лучшем случае, в дзэн-буддизме, или, что хуже и чаще всего, - в наркотическом трансе, или других подобных средствах, приближающих к смерти.

Монахи были свидетелями о новой жизни. Если бы среди нас было больше подлинных монашеских общин, наше свидетельство было бы убедительнее. Однако новое творение Христово во всей его красоте остается доступным для всех нас через супружескую любовь, если только мы, вместе с Апостолом Павлом, примем брак "относительно ко Христу и Церкви".

Заключение

Брак - таинство, так как через него и в нем Царство Божие приобретает жизненно ощутимую реальность. В каждом таинстве единственная Тайна спасения становится реальностью и прилагается к конкретному моменту человеческого бытия. В любом случае вхождение в новую жизнь - духовный ли рост, священническое ли служение, исцеление ли больного - совершается в присутствии Христа Спасителя через Духа Святого: в крещении, миропомазании, посвящении в различные степени священства, в таинстве елеосвящения. В каждом случае новая жизнь входит в существование человека -

входит как реальность, а не как обязанность, как дар и возможность, а не как магическое заклинание. За человеком остается право свободного выбора: либо войти в открывающуюся перед ним дверь, либо остаться на прежнем месте, то есть в царстве плоти.

Отдельные таинства лишь тогда приобретают подлинную реальность, когда выражают общую жизнь Церкви - Тела Христова. Крещение - это вход в Церковь; миропомазание - дар, которым определяется свободное развитие в Духе; священство - это ответственность за единство и созидание Тела; таинство елеосвящения открывает новые границы бытия в "новом Адаме", где нет ни болезни, ни смерти. Все эти индивидуальные аспекты жизни Тела имеют своим центром и вершиной Тайну, которая и делает Церковь Телом Христовым: Божественную Литургию, Евхаристию. Вне этого Тела не может быть таинств.

Поэтому значение брака как таинства не может быть осознано вне евхаристического контекста. Церковь с самых первых дней своего существования признавала лишь тот брак, который заключался между двумя членами Тела Христова; лишь он мог быть преобразован в реальность Небесного Царства. Только в плоти и крови Христовой двое христиан могут стать единой плотью на христианском пути - через Евхаристию, делаясь причастниками Тела Христова. Вот почему древние христиане заключали браки только во время Божественной Литургии, когда жених и невеста причащались Божественных Тайн; таким мог быть только первый брак, который обе стороны воспринимали как вечные узы, нерасторжимые и после смерти.

Величайшая святыня брака, пока она живет в людях, будет жить в мире падшем и болезненном, будет нуждаться в покровительстве юридических законов и формальностей. Мы видели, что эта формальная, каноническая сторона церковной практики не является самоцелью для Церкви; она лишь указывает пути, по которым христианский идеал брака, то есть подобие союза Христа с Церковью, может наилучшим образом проявить себя в сегодняшнем мире. Церковь определяет возможные случаи снисхождения к несовершенным формам заключения брака - в тех, например, случаях, когда налицо разделение брака и Евхаристии; Церковь защищает учение и пастырский авторитет священства, не разрешая духовенству послаблений, допускаемых для мирян.

Считая брак таинством Царства Божия, Евангелие и Церковь не создают тем самым какой-то особенной мистической реальности, не имеющей точек соприкосновения с окружающим нас миром. Христианская вера является истиной не только о Боге и Его Царстве, но и о человеке. Христианское учение о браке накладывает на человека радостную ответственность; оно открывает законное удовлетворение для души и тела; оно указывает путь истины; оно дает человеку невыразимую радость созидания новой жизни, приближает его к Создателю, сотворившему первого человека.

Чтобы выявить и показать единство православного предания, в Приложении мы даем выборку из различных библейских текстов, святоотеческих сочинений и т. п. Эти вдохновенные слова откроют нам истинное величие тех литургических и канонических текстов, на которые мы так часто ссылались в этой книге.

Приложение 1. Новый Завет о браке

Воскресение изменяет значение брака

Лука 20, 27-40

Тогда пришли некоторые из саддукеев, отвергающих воскресение, и спросили Его: Учитель! Моисей написал нам, что если у кого умрет брат, имевший жену, и умрет бездетным, то брат его должен взять его жену и восставить семя брату своему. Было семь братьев, первый, взяв жену, умер бездетным; взял ту жену второй, и тот умер бездетным; взял ее третий; также и все семеро, и умерли, не оставив детей; после всех умерла и жена; итак, в воскресение которого из них будет она женою, ибо семеро имели ее женою?

Иисус сказал им в ответ: чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божий, будучи сынами воскресения. А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы.

На это некоторые из книжников сказали: Учитель! Ты хорошо сказал. И уже не смели спрашивать Его ни о чем.

(См. параллели: Мф. 22, 23-32; Мк. 12, 18-27).

Развод

Матфей 5, 31-32

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную (см. Втор. 24, 1-4). А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Матфей 19, 3-12

И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?

Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею?

Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует.

Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться.

Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева материнского родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит.

Марк 10, 2-12

Подшли фарисеи и спросили, искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою? Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей? Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться. Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь. В начале же создания. Бог мужчину и женщину сотворил их. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

В доме ученики Его опять спросили Его о том же. Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует.

Лука 16, 18

Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует.

1 Послание к Коринфянам 7, 10-18

А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, - если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, - и мужу не оставлять жены своей. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен, оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?

Иисус почтил брак Своим присутствием

Иоанн 2, 1-11

На третий день брак был в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоящих по обычаю очищения иудейского, вмещающих по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, - а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, - тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его.

Брак - тайна

Послание к Ефессянам 5, 21-33

...повинуясь друг другу в страхе Божиим. Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа.

Второбрачие вдовствующих

1 Послание к Коринфянам 7, 39-40

Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия.

Приложение 2. Церковное предание о браке

СВЯТОЙ ИОАНН ЗЛАТОУСТ.
БЕСЕДА XX НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

Значение любви

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь (Еф. 5, 25).

Ты слышал о великом послушании; ты доволен Павлом и рад, что он, как некий дивный и духовный учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя: тот же самый пример он приводит и далее.

Мужья, - говорит он, - любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь.

Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинется Церковь? Заботься и сам об ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным, или потерпеть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся; но и хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому, что сделал Христос. Ты терпишь это, будучи уже в союзе с женою; а Он страдал за Церковь отвращающуюся от Него и ненавидящую Его. Как Он, когда она отвращалась, ненавидела, презирала Его и была развратна, по великому Своему снисхождению покорил ее под ноги Свои, не прибегая ни к угрозам, ни к порицаниям, ни к устрашениям и ни к чему подобному, - так и ты поступай в отношении к своей жене: хотя бы ты видел, что она пренебрегает тобою, что развратна, что презирает тебя, умей привести к своим ногам твоим великим об ней попечением, любовью и дружбою. Нет уз крепче этих, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхом, - а скорее и его этим не свяжешь, он отскочит и сбежит, - но общницу жизни, мать детей и виновницу всех радостей привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовью и расположенностью. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может наслаждаться муж, который сожительствует с женою, как с рабою, а не как со свободной? Если бы и случилось потерпеть что за нее, не ропщи; Христос этого не делал.

Христос более возлюбил

И предал Себя, - говорит, - за нее, чтобы освятить ее, очистив (Еф. 5, 25-26).

Значит, она была нечиста; значит, на ней были грязные пятна; значит, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взял жену, твоя невеста была не такова, какую Христос обрел Церковь; она не так отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ею и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие. Хочешь знать, как она была безобразна? Послушай, что говорит Павел: Вы были некогда тьма (Еф. 5, 8). Видишь черноту ее? Что чернее тьмы? Но посмотри и дерзость ее: Жили, - говорит, - в злобе и ненависти (Тит. 3, 3). Посмотри и нечистоту: Немысленны, непокорны. Что еще скажешь? Она была и безумна, и богохульна. Однако, несмотря на то, что в ней было так много дурного, Он и за безобразную предал Себя как за прекрасную, как за возлюбленную, как за достойную дивной похвалы. Недоумеая пред этим, Павел и говорил: Ибо едва ли кто умрет за праведника (Рим. 5, 7), и еще: Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками (Рим. 5, 8). И принявши ее такую, Он украшает ее и омывает и не отказывается от этого.

Что есть истинная красота?

Чтобы освятить ее, - говорит Апостол, - очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна (Еф. 5, 26-27).

Банею оmyвает ее нечистоту. Посредством слова, - говорит. Каком? Во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мф 28, 19). И не только украсил ее, но и сделал славною, не имеющую "пятна, или порока, или чего-либо подобного". Итак, будем и мы искать этой красоты, и мы сможем стать ее творцами. Не требуй от жены того, чего у нее нет. Видишь, что [72] Церковь все получила от Владыки? Чрез Него она сделалась славною, чрез Него беспорочною. Не отвращайся же и ты от жены из-за ее непривлекательности. Послушай, что говорит Писание: Мала пчела между летающими, но плод ее - лучший из сластей (Сир. 11, 3). Она Божие создание: не ее ты порицаешь, но Того, Кто создал ее. Чем виновата жена? Не хвали ее и за красоту. Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая (страстная) любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного; она пробуждает ревность и нередко заставляет подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В (удовольствии же), доставляемом не этою (красотою), ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянною, как любовь к красоте душевной, а не телесной. Скажи мне, что прекраснее неба? Что прекраснее звезд? Скажешь: тело, - но оно не так бело; укажешь на глаза, - но они не так блестящи. Когда созданы были небеса, им удивлялись Ангелы; и мы ныне удивляемся им, хотя и не так, как сначала. Это от привычки. что мы ныне уже не так поражаемся ими. Но тем ли более (можно сказать это) по отношению к жене? А если приключится болезнь, то тотчас все улетает. Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости: таковы признаки (истинной) красоты, - а телесной красоты не будем искать, и не станем укорять ее за то, что не от нее зависит, - или лучше, и вовсе не станем укорять, потому что это свойственно дерзости, не будем огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько таких, которые жили и с красивыми женами, но бедственно окончили свою жизнь; напротив, сколько таких, которые имели жен не очень благообразных, но в полном благополучии дожили до глубокой старости? Истребим внутреннюю скверну, исторгнем внутренние недостатки, уничтожим пятна душевные. Бог желает такой красоты. Уготоваем ее (жену) прекрасное для Бога, а не для себя самих.

Деньги развращают

Не станем искать денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. Пусть никто не думает разбогатеть чрез жену: постыдно и позорно такое богатство; и вообще пусть никто не ищет здесь богатства, потому что желающие обогащаться, - сказано, - впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу (1 Тим. 6, 9). Не ищи от жены больших денег, и ты легко найдешь все другое. Кто, скажи мне, оставив важнейшее, станет заботиться о маловажном? Но, увы, мы всегда так поступаем. Если у нас есть сын, то мы не о том стараемся, чтобы он был хорош, но как бы найти ему богатую жену, не о том, чтоб был благонравен, а о том, чтоб был богат. И если начертываем образ жизни, то также не о том заботимся, как бы нам жить безгрешно, но о том, как бы нам приобретать больше прибытков. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстью.

Ничего не может быть лучше...

Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя: а жена да боится своего мужа (Еф. 5, 33).

Подлинно, это - таинство и великое таинство, потому что человек, оставив произведшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, в болезнях родила, (оставивши) тех, которые столько благодетельствовали ему, к которым он привык, - и сочетается с тою, которой прежде не видел, которая ничего не имеет с ним общего, и предпочитает ее всему. Подлинно, это - таинство. И родители не печалются, когда так делается, но, напротив, печалются, когда этого не бывает, и, в знак радости, не жалеют денежных издержек и расходов. Поистине, это - великое таинство, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость. Это показал и древний пророк Моисей; об этом и ныне вопиет Павел, говоря: по отношению ко Христу и к Церкви (Еф. 5, 32). Впрочем, так сказано не по отношению только к мужу, но и к жене, чтобы он согрел ее, как плоть свою, как и Христос Церковь, а жена чтобы боялась мужа. Говорит не только о любви, - но что? "Да боится своего мужа". Жена - вторичная власть; значит, не должна требовать равенства с мужем, так как стоит под главою; и он не должен высокомерно смотреть

на нее, как на подчиненную, потому что она -тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама; взамен послушания она должна приносить любовь. Как глава, так и тело: тело отдает в услужение главе руки, ноги и все прочие члены; а глава заботится о теле, посвящая ему все свое разумение. Нет ничего лучше такого супружества...

Второй брак - уступка

Что же скажут те, которые соединяются вторым браком? Не в осуждение говорю, - да не будет, - и Апостол позволяет это.

Малая церковь

Но снисходя к ее немощи, доставляй ей все, все ради нее делай и терпи: это необходимо тебе. В этом случае (Апостол) не благоволил давать совета на основании внешних примеров, как это он часто делает. Достаточно было великого и сильного примера Христова, в особенности для доказательства (необходимости) повиновения.

Оставит, - говорит, - человек отца своего и мать. Вот, это указание внешнее. Однако ж не сказал: и будет жить вместе (с женою), но: прилепится, означая этим теснейшее единение, сильнейшую любовь. Не удовольствовался и этим, но чрез наведение так изъяснил подчиненность жены, что двое уже не представляются двумя. Но сказал: в дух; не сказал: в душу, - так как это очевидно и вполне возможно, - но (сказал, что они соединяются) так, что бывают в плоть едину.

Хотя жене принадлежит также власть в доме, именно - вторая, хотя она имеет начальство и равночестна мужу, - но при всем том, муж имеет нечто большее, именно - преимущественное попечение о доме. Соответственно со Христом, он получил и то, чтобы не только любить (свою жену), как должно, но и благоустраивать (жизнь ее). Дабы она была, - говорит, - свята и непорочна.

Когда говорится - в плоть, разумеется любовь; равным образом, когда говорится - прилепится, так-же разумеется любовь. Если ты сделаешь ее святой и непорочной, то за этим последует все. Ищи того, что Божие, а человеческое последует весьма легко. Управляй женою, и дом твой будет благоустроен. Послушай, что говорит Павел: Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих (1 Кор. 14, 35). Если мы так будем управлять своими домами, то будем способны и к управлению церковью, потому что дом есть малая церковь. Таким образом, если хороши будут мужья и жены, то все будет превосходно...

Проклятое слово: "это мое"

Если хочешь сделать обед или устроить пиршество, то не зови никого бесчестного, никого неприличного, но если найдешь какого-либо святого бедняка, который может благословить дом ваш, может, ступя к вам ногою, принести всякое благословение Божие, призови его. Скажу еще нечто другое. Никто из вас пусть не старается жениться на такой, которая богаче вас, но лучше на такой, которая беднее. Вошедши с деньгами, она принесет не столько удовольствия, сколько скорби своими упреками, своими излишними требованиями, своею бранью, расточительностью, грубостью. Она, может быть, будет говорить: ты еще ничего не истратил на меня; я одеваюсь на свои деньги, которыми наградили меня родители. Но что ты говоришь, женщина, будто ты одеваешься еще в свое? Что несмысленнее таких слов? Не имеешь своего тела, а имеешь свои деньги? После брака вы уже не две плоти, но сделались "в плоть едину"; а имений два, а не одно? О, сребролюбие! Оба вы сделались одним человеком, одним живым существом, а ты все говоришь: это мое. От диавола привнесено это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимее этого, Бог сотворил общим для нас, а это - не общее? Нельзя сказать: мой свет, мое солнце, моя вода - все важнейшее - у нас общее, а деньги - не общие? Тысячекратно пусть погибнут деньги, или лучше - не деньги, а душевные расположения, которые мешают разумно пользоваться деньгами и побуждают предпочитать их всему.

Между прочим, учи свою жену и этому, только с великою любовью. Так как увещание к добродетели само по себе заключает много тягостного, особенно для нежной и молодой девицы, то, когда будут

разговоры о любомудрии, придумывая больше ласковых выражений, и в особенности исторгни из души ее понятие: "мое", "твое". Если она скажет: "мое", то скажи ей: что ты называешь своим? Я не знаю, я не имею ничего своего. Как ты говоришь: мое, когда все твое? Приласкай ее этими словами. Не видишь ли, что мы так поступаем в отношении к детям? Когда дитя схватит что-нибудь, что мы держим, и захочет еще взять что-нибудь другое, мы ему уступаем и говорим: да, это и то твое. Так же станем поступать с женой, - так как разум ее скорее детский, - и когда скажет: мое, говори: все твое и я твой. Эти слова - слова не лести, но великого благоразумия. Этим ты можешь угасить гнев ее и потушить досаду. Лесть состоит в том, когда кто поступает неблагородно по злему расположению: а это - величайшее любомудрие. Итак, говори: и я твой, детушка. В этом меня убедил Павел, который сказал Муж не властен над своим телом, но жена (1 Кор. 7, 4). Если же я не имею власти над собственным телом, но - ты, то тем более - над деньгами. Говоря так, ты успокоишь ее, угасишь огонь, посрамишь диавола, сделаешь ее рабою, покорною более, чем купленная за деньги; этими словами свяжешь ее. Таким образом посредством того, что ты говоришь, научи ее никогда не говорить: мое, твое.

Учение о любви

И не просто зови ее, но с лаской, с честью, с большой любовью. Уважай ее, и она не будет нуждаться в уважении от других, не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим (уважением и одобрением). Предпочитай ее всем, во всех отношениях и в отношении красоты, и благоразумия, хвали ее. Таким образом ты убедишь ее не внимать никому постороннему; но пренебрегая всеми чужими. Учи ее страху Божию, и все потечет к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многочисленных благ. Если станем искать нетленного, то придет и это тленное: Ищите же, - сказано, - прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам (Мф. 6, 33). Каковы будут дети от таких родителей? Каковы слуги у таких господ? Каковы все приближенные к ним? Не будут ли и они исполнены бесчисленных благ? Ведь и слуги, по большей части, воспринимают обычаи своих господ и подражают их стремлениям: то же любят, что и они; говорят о том, что узнали от них; тем же и занимаются. Итак, если подобным образом будем направлять самих себя и внимать Писанию, то многому от него научимся, и чрез это сможем угодить Богу, и всю настоящую жизнь провести в добродетели, и получить блага, обещанные любящим Его, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ
СТРОМАТЫ, КН. III

Брак и целибат

Воздержание состоит именно в том, в чем состоит, в малом обращении внимания на тело по силе исповедания веры в Бога. Воздержание состоит в удалении не только от удовольствий любви, но и ото всего того, чего душе, не умеющей удовлетворяться необходимым, желать непозволительно. Так можно сдерживать свой язык, свою страсть к приобретениям, к удовольствиям; можно сдерживать свои пожелания. Воздержание не только учит нас умеренности; оно нас защищает умеренностью от многого дурного, ибо воздержанность есть сила и дар Божий. Итак, что сказать нам в ответ нашим противникам? Мы ублажаем целомудрие и тех, коим оно даровано. Мы чтим единобрачие и благопристойность в нем. Но при этом мы утверждаем, что следует быть сострадательными к другим и носить тяготы друг друга (Гал. 6, 2), дабы думающий, что он стоит, берегся, как бы ему не пасть (1 Кор. 10, 12). Что же касается до второго брака, то Апостол говорит: ...лучше вступить в брак, нежели разжигаться (1 Кор. 7, 9).

Освящение тело и души

У нас, христиан, действительно, не только дух, но и нравы, и жизнь, и тело должны быть освящаемы. Иначе в каком же смысле и для какой иной цели Апостол сказал, что жена мужем освящается, а муж женой (1 Кор. 7, 14). Иначе, то есть без сего взаимного освящения супругами друг друга, что значил бы и ответ Господа спрашивавшим Его касательно развода: Следует ли разводиться с женою, как позволил то Моисей? По жестокосердию вашему, - сказал Господь, - написал Моисей это. Не читали ли вы, что первосотворенному человеку Бог сказал: И вы двое будете плотью одной, так что кто разведется с

женою своею не за преступное снискание преступной склонности другого мужчины, тот сам отпускает ее искать такой склонности (Мф. 19, 3, 7, 8 и далее; Мк. 10, 8, 2, 4, 5 и далее). "Но после воскресения, - прибавляет Господь, - ни мужчины не будут жениться, ни женщины замуж выходить" (Мф. 22, 30; Мк. 12, 23; Лк. 20, 35). Ибо и о чреве и о пище сказано: Пища для чрева, а чрево для пищи, но Бог уничтожит и то и другое (1 Кор. 6, 13).

Апостол порицает здесь тех, кои жизнь на манер свиней и козлов находят достойной себя и осуждает спокойное с заглушением голоса совести погружение в объедение и утопание в животных вожделениях.

Но "воскресение в них, - говорят еретики, - уже совершилось; поэтому-де они и отвергают брак". Если так, то пусть перестанут они вместе с тем и есть и пить, ибо Апостол сказал, что в "воскресение отменены будут и чрево и пища". Не имеют они после сего права ни есть, ни пить, ни прочим плотским вожделениям послаблять, коих отнюдь и не позволит себе верующий, достигший во Христе полного воскресения, цели наших надежд. И что я говорю? Самые идолопоклонники, даже и те наблюдают воздержности в пище и в чувственных уладах. Тем более Царство Божие не есть пища и питье, - говорит Апостол (Рим. 14, 17). Известно, что маги, поклоняющиеся ангелам и демонам, придают большое значение своему воздержанию от вина, мяса и дел низшей жизни животной. А подобно тому, как "смирennemудрие состоит в кротости, а не в небрежном отношении к телу" (Кол. 2, 23), точно так же и воздержность есть добродетель душевная, заявляющая себя не столько вовне, сколько в совести и сокровенном состоянии духа.

Есть еретики, брак прямо называющие делом незаконным и учащие, что это учреждение дьявольское. Будучи надутыми бахвалами, они утверждают о себе, что подражают Господу, Который оставался-де безбрачным и не владел на земле никакой собственностью; и они похваляются, что лучше всех остальных христиан выразумели Евангелие. Но Писание отвечает им: Бог гордыш противится, а смиренным дает благодать (Притч. 3, 34; Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5). Затем, они не вникают в причину, почему Господь оставался безбрачным. Во-первых, Его невестой была Церковь. Потом Он не был обыкновенным человеком, чтобы по плоти нуждаться в какой-либо помощнице. И детей Ему не было необходимости иметь. Ему, Который живет вечно и есть Единородный Сын Божий. Но Сей Самый Господь говорит: Что Бог сочетал, человек да не разлучает (Мф. 19, 6; Мк. 10, 9). И еще: И как было во дни Ноя, ели, пили, женились и замуж выходили и дома строили, садили; и как было во дни Лота: так и будет в пришествие Сына Человеческого (Мф. 24, 37; 38, 39; Лк. 17, 28). И показывая, что это относится не к язычникам. Он добавляет: Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле (Лк. 18, 8)? И опять: Горе беременным и питающим сосцами в те дни (Мф. 24, 19; Мк. 13, 17; Лк. 21, 23). Но и сие сказано аллегорически. Посему Он и "времени" не определяет, которое Отец положил в Своей власти (Деян. 1, 7), сим сказывая, что мир имеет существовать из рода в род.

Ответственность о детях

Что же касается до нашего мнения о браке, о пище и вещах сим подобных, то уже здесь, при начале наших рассуждений о сих предметах, мы выразим вообще наше мнение о них. Не нужно подпадать под власть страстей и не следует их голосом определяться в своих действиях, а ограничивать свои желания лишь самым необходимым. Мы не пожелаем чада (Ин. 1, 13), а воли. Кто женится, чтобы иметь детей, тот должен быть воздержным, и даже по отношению к своей собственной жене не питать пожеланий; конечно, он обязан ее любить, но в прижитии детей должен руководиться желанием честным и благопристойным. Ибо мы научены "попечения плоти не превращать в похоти, а вести себя благопристойно, как днем", ходя во Христе, Который есть наш солнечный день; устроить свою жизнь должны мы разумно, так чтобы она была отражением света Христова, познания о Нем, не предаваясь ни пирированием и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти (Рим. 13, 13).

Не следует понимать воздержание односторонне, то есть в отношении лишь дел плоти; оно должно простираться и на все остальные вожделения, каким отдается чувственная душа наша, жаждущая наслаждения, не довольствующаяся необходимым. Воздержание состоит в малом обращении внимания на деньги, в заглушении сладострастия, в установлении на богатства и на театральные зрелища точки зрения возвышенной. Оно заключается далее в обуздании языка, в укрощении беспутных желаний, в

представлении господства над ними разуму. Уже и ангелы некоторые, не сдержав своих страстей и побеждены будучи пожеланиями, не пали ли с неба на землю?

Но как скоро кто решился или оставаться девственным или соединиться брачными узами, нужно тому уже непоколебимым оставаться в своем раз принятом решении и никогда не уклоняться к худшему. Потому что кто, - чрез согласующиеся с духом Логоса чистоту и полноту воздержности, - непорочность своей жизни, в кругу раз им избранном, в состоянии усугубить и возвысить, то такая жизнь пред Господом получает тем больше достоинство. Если же кто, имея стремления к высшей славе, избранный им раз род жизни оставил бы, то каким образом после сего он и мог бы еще питать надежду на достижение совершенства? Нет, и безбрачие и брак предъявляют человеку свои особые требования и специальные обязанности, равно ценные в очах Господних. Так в браке почтенны заботы о жене и детях и об их содержании. Уже и обыденные обязанности брачного союза из супруга вполне доблестного делают род Провидения, так как ему приходится постоянно озабоченным быть благом семьи и стараться об удовлетворении всех нужд ее. Вот почему и требует Апостол, чтобы в епископы были поставляемы люди, чрез управление семьей подготовленные к попечению о целой церкви (1 Тим. 3, 4-5). Итак, каждый пусть будет занят делом исполнения лежащих на нем обязанностей "в том звании", которое проходил, когда был призван (к Христу), дабы ему быть свободным во Христе и получить награду, соответствующую его служению (1 Кор. 7, 22-24).

Беззаконный целибат

Начало мудрости, - говорит Писание, - есть страх Господень (Притч. 1, 7). Человек же совершенный все покрывает, все переносит из любви, угождая не человекам, но Богу (1 Кор. 13, 1-7; 1 Фее. 2, 4). Его поведение вызывает похвалы ему у народа не по тем последствиям оно, что каждый видит в том личную для себя пользу, а потому, что пример его похваляющими считается достойным подражательным. Но кроме воздержных этого рода, сдерживающих неупорядоченные свои душевные порывы по сим мотивам, есть еще иного рода воздержные, оказывающиеся таковыми потому, что желают они удержать за собою раз приобретенные блага; в различении благ истинных от ложных они достигают величия неутрачиваемого; из оно и проистекают дела их и добродетели.

Случается ли непредвиденное несчастье какое, под покровительством своей добродетели гностик все-таки не оставляет своего образа действий, потому что в добром научном имуществе, ему свойственном, имеет он сокровище прочное, от него неотделимое; сокровищем же сим состоит познание вещей божеских и человеческих. Затем воздержание этого рода людей, воздерживающихся от вещей плотских из желания удержать за собою раз приобретенные духовные блага, и потому твердо, что ведение их никогда не может обратиться в неведение; добро их никогда не может злом стать. Вот почему наш гностик ест, пьет, женится не из-за себя самого и не в видах осуществления чрез брак главной цели своей жизни, но по необходимости. Я говорю, мудрец женится. Да, если это Логос повелевает ему и если это согласуется с его обязанностями.

Человек совершенный имеет в сем пример для себя в лице Апостолов. Да и вообще нужно сказать, что энергия человека заявляет себя не в уединении и не в жизни одинокой. С каким геройским мужеством сравниться может того мужество, кто в браке, имея детей, заботясь о семействе, состоя господином как над удовольствием, так и над выпадающим на его долю горем, по силе своей любви к Богу, однако же, остается в неразрывном союзе с Ним? Сколько затруднений приходится ему преодолевать при этом; как часто должен он вооружаться против искушений, ему преподносящихся в образе детей, жены, слуг, имущества. Бессемейный же уже вследствие этого самого свободен от множества соблазнов.

Так человек, занятый материальным своим домостроительством, хотя и уступает в деле своего спасения человеку свободному от этих забот, зато превосходит его тем, что по своим заботам об осуществлении истинного учения в реальной жизни представляет собою подобие, хотя и слабое, Провидения.

Существует жизнь монашеская и жизнь в браке. Третье состояние - девственник в миру - чрезвычайно опасно, полно соблазнов и не всякому посильно. Кроме того, такие люди и для окружающих представляют большую опасность: сияние и красота их девственности, когда не понятно их непосредственное религиозное значение, есть притягательное брачное оперение, влекущее к себе и возбуждающее чувственность.

Брак - это преображение

Брак - это откровение и тайна. Мы видим в нем полное преображение человеческого существа, расширение его личности, новое видение, новое восприятие жизни и через это возрождение в новый мир в истинной полноте.

Индивидуализм нашего времени создает в браке особые трудности. И для преодоления их необходимы сознательные усилия обеих сторон, чтобы сделать брак истинным "хождением в присутствии Божиим" (только Церковь в состоянии по-настоящему и до конца разрешить эти проблемы). И еще, - казалось бы, самое простое, но на деле самое трудное - твердая решимость отвести в браке каждому свое место: жене смиренно стать на второе место, мужу - подъять тяжесть и ответственность быть главой семьи. Если такая решимость и желание обнаруживаются, Бог всегда поможет на этом трудном и мученическом ("Святити мученицы..." - во время хождения вокруг аналоя), - но вместе с тем и блаженном пути.

Брак, плотская любовь - величайшее таинство и тайна, так как через него осуществляется нечто наиболее реальное и вместе с тем наиболее таинственное из всех возможных форм человеческого общения. Качественно, брак дает нам возможность подняться над обычными правилами человеческих отношений и войти в сферу чудесного и сверхчеловеческого.

В плотской любви, помимо ей одной присущей ценности, Бог даровал этому миру часть Своего всемогущества: человек творит человека, новая душа входит в мир.

Полнота жизни

Человек может войти в структуру этого мира только через свою семью.

Ни мужчина, ни тем более женщина не обладают в браке никакой властью друг над другом. Насилие над волей другого, хотя бы совершенное во имя любви, убивает саму любовь. И тогда возникает вопрос: надо ли подчиняться такому насилию, раз в нем кроется опасность для самого дорогого? Бесчисленное количество несчастных браков наблюдается именно от того, что каждая сторона считает себя собственником того, кого любит. Отсюда почти все трудности в браке. Но величайшая мудрость его скрыта в том, чтобы дать полную свободу тому, кого любишь: наш земной брак - подобие брака небесного (Христа с Церковью), а там - полная свобода.

О женщине сказано - "немогущий сосуд". Эта "немогущ" заключена главным образом в подвластности женщины природным стихиям - в ней самой и вне ее. В силу этого - слабый самоконтроль, безответственность, страстность, слепота в суждениях. Почти ни одна женщина не свободна от этого, она - раба своих страстей, своих антипатий, своего "хочется". Только в христианстве женщина может стать равной мужчине, подчинив высшему началу свой темперамент, приобретая благоразумие, терпение, правильное суждение и мудрость, потому что в этих условиях возможна ее истинная дружба с мужем.

Как грустно и неполно существование девушки и какая полнота существования у женщины. Никакой любовный роман не может заменить брака. В любовном романе люди являются в пышности, в расцвете, но это не они сами, а их призрачная, приукрашенная действительность, где жизнь каждого из двух - непременно поза, хотя бы простительная и невинная.

Только брак может даровать человеку полноту познания другого человека - это чудо ощущать, осязая видеть другую личность так же неповторимо и единственно, как и познание Бога. По этой

причине можно сказать, что до брака человек как бы скользит над жизнью, наблюдая ее со стороны, и только в браке погружается в самую жизнь, входя в нее через другую личность. Это наслаждение истинным познанием и истинной жизнью рождает то чувство завершенной полноты и удовлетворенности, которое делает нас богаче и мудрее.

Дети

Но эта полнота приобретает еще большую глубину в том, что двое, согласных и объединенных людей, дают начало третьему - своему ребенку.

Здесь-то и появляются непредвиденные трудности: вместо всеобъемлющей полноты обнаруживается взаимное непонимание, протесты и почти неизбежное отделение ребенка от нас. Двоица не может стать совершенной троицей. Почему так устроено? Что это, неминуемая неудача? И можем ли мы предпринять что-либо со своей стороны для предотвращения подобного? Тот, кому мы дали жизнь, есть частичка нас самих - наша плоть и кровь и душа. В ребенке мы узнаем наши собственные привычки и склонности - откуда же тогда появляется это всеразрушающее противоречие?

Я думаю, что добрая супружеская пара произведет на свет доброго ребенка, который продолжит свое дальнейшее развитие по законам совершенства. Но если у супругов существует какой-то неразрешенный конфликт как противоречие, ребенок будет отпрыском этого противоречия и продолжит его. Если супруги, находясь в антагонизме, примирятся только внешне и не пойдут по пути завоевания новых высот, это, несомненно, отразится и на их ребенке.

Другое пояснение: в ребенке вместе с душой и телом, полученным от нас, существует и нечто новое, иное, индивидуальное и существенное - единственная и неповторимая личность со своим собственным путем в жизни.

И потому при воспитании самое важное для детей - видеть своих родителей живущими напряженной внутренней жизнью.

Семейные проблемы

Философия семейных ссор: чаще всего они - результат упреков жены в адрес мужа, может быть и заслуженных (гордость). Но их необходимо выслушать хотя бы для того, чтобы обнаружить первопричину этих ссор, которые часто происходят от страстного желания жены видеть своего мужа лучше, чем он есть на самом деле, а также от ее идеалистической настроенности. В таких случаях жена начинает стыдить своего мужа, а он в свою очередь упрекает ее. Женатый мужчина особенно склонен к тому, чтобы опираться на эмпирические факты. Жена старается отклонить от этого своего мужа, она ждет от него большего.

В этом смысле семейные раздоры, как это ни странно, являются доказательством того, что уже дает брак (а не только того, что ожидается в будущем): и в том новом человеческом существе, в которое слились двое, жена играет роль совести.

Вот почему ссоры между близкими людьми даже полезны - потому что в огне ссоры сгорает весь мусор обид, недоразумений, накопившихся иногда за долгое время. И после взаимного объяснения и исповеди наступает чувство полной ясности и спокойствия - все выяснено, ничего не тяготит. Тогда высвобождаются именно способности души и, входя в общение друг с другом, договариваются до удивительных вещей, достигается полное единодушие, единомыслие.

Любовь - это праздник

В браке праздничная радость первого дня должна продлиться на всю жизнь; каждый день должен быть праздником, каждый день муж и жена должны быть новы и необыкновенны друг для друга. Единственный путь для этого - углубление духовной жизни каждого, постоянная работа над собой.

Брачная любовь - это такая драгоценность, и потерять ее так ужасно - а иногда она исчезает из-за пустяков. Нам следует направить все свои мысли и усилия к сохранению и упрочению этой любви (не забывая о ее божественном характере). Все остальное придет само собой.

План поучения о браке

Тезис: Брак - благословенное Богом учреждение: Кана Галилейская, плодитесь и размножайтесь (Быт. 9, 1), таинство брака брачная церемония. Все во благо.

Антитезис: Хорошо вам оставаться, как я (1 Кор. 7, 8); сто сорок четыре тысячи девственников, которые были искуплены от земли и не осквернились с женами (Откр. 14, 3-4); скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного (Мф. 19, 12); отсутствие святых, прославленных за семейные добродетели.

Синтез: Все это осуществлено ради нашей пользы, ради нас всех, зараженных грехом, включая и состоящих в браке: Адам и Ева сотворены до падения; "Песнь Песней"; евангельская символика: "брачный пир", жених и невеста - Христос и Церковь, Тайна сия велика (Еф. 5, 32).

Приложение 3. Каноническое право, Литургическая практика

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО

Православное каноническое право основано на собрании древних текстов, отражающих дисциплину и практику первого тысячелетия христианской истории, а именно:

- правила семи Вселенских Соборов;
- правила, изданные на основании постановлений поместных соборов, которые позже приобрели всеобщее значение;
- святоотеческие правила, то есть советы и указания, данные Отцами Церкви и принятые соборами.

Шестой Вселенский Собор (правило 2) принял и подтвердил собрание 85 Апостольских правил, отражающих обычаи Антиохийской Церкви IV века.

Эти правила составляют основу всех современных законов и решений местных властей, православных патриархатов, автокефальных церквей. В странах, где православие было или является государственной религией, государство принимало эти каноны в качестве руководства для разработки своего законодательства.

Уже первое знакомство с каноническими текстами показывает, что они являются не системой, не кодексом, а, скорее, случайно объединенными правилами, появляющимися в связи с различными проблемами христианской жизни. Некоторые каноны отражают ситуации, не имеющие никаких аналогов в современном мире. Другие касаются вечных ценностей и поэтому остаются главным критерием и в нашей жизни. Церковь, и в особенности епископы, ответственна за правильное истолкование и применение канонов, в связи с возникающими современными проблемами.

Церковь - "столп и утверждение" истины - провозглашает и защищает вечную и неизменную истину, почему она всегда должна оставаться последовательной в своих суждениях. Но поскольку мы живем в меняющемся мире, способы выражения истины и ее защиты неизбежно меняются. Некоторые канонические тексты со временем теряют свое значение, и тогда Церковь вправе применить другие и лучшие методы защиты истины или социальных ценностей, заключенных в каноны. Например, всякий согласится, что 54-е правило Шестого Вселенского Собора, запрещающее брак двух братьев на двух сестрах, в настоящее время потеряло свою актуальность как отражающее социальные идеи другой

эпохи и не заключающее в себе какой-либо непреходящей идеи божественного или человеческого характера. Модернизация и исправление устаревших канонов стоят на повестке дня предстоящего Собора Православной Церкви.

В то же время Церковь обязана изъяснять каноны современным языком. Но, поступая так, она не должна забывать об основных элементах христианской веры: современный язык должен быть не только средством перевода; он должен выражать те основы, на которых стоят каноны и их незыблемый авторитет, так как многие каноны издавались именно с целью выразить христианскую веру.

Православная Церковь проявляет особую строгость в применении древних правил к членам клира - к тем, кто призван проповедовать Евангелие не только словом, но и примером собственной жизни. В отношении к мирянам она часто применяет принцип "ойкономии", снисходя до условий человеческой жизни и принимая во внимание конкретные ситуации.

Ниже мы приводим собрание канонических текстов, иллюстрирующих церковную позицию по вопросам брака.

Брак честен

Если кто порицает брак... да будет под клятвою (Гангрский Собор, правило 1).

Если кто девствует или воздерживается, удаляясь от брака, как гнушающийся им, а не ради самой доброты и святости девства, да будет под клятвою (тот же Собор, правило 9).

Если кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетающимися, да будет под клятвою (тот же Собор, правило 10).

Если какая-либо жена оставит мужа и захочет уйти, гнушаясь браком, да будет под клятвою (тот же Собор, правило 14).

Обязательный союз веры

Не должно мужчине православному с женщиной еретичествующей соединяться, ни православному с женщиной еретиком сочетаться. Но если кто-нибудь допустит что-либо подобное, сделанное кем-либо, брак считать непрочным, и незаконное сожитие расторгать... Но если некоторые, будучи еще в неверии и не будучи причтены к стаду православных, сочетались между собою законным браком, потом один из них, избрав благое, прибегнул ко свету истины, а другой остался во узах заблуждения... и если притом неверной жене угодно сожительствовать с мужем верным, или, напротив, мужу неверному с женою верною, то да не разлучаются, по божественному Апостолу: Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим (1 Кор. 7, 14) (Шестой Вселенский Собор, правило 72).

Отлучение второбрачных

О троебрачных и многобрачных мы положили то же правило, какое и о второбрачных, по соразмерности. Второбрачных отлучают на год, а другие на два, троебрачных же на три, а часто и на четыре года, и нарицают таковой союз уже не браком, но многоженством, или паче наказанным блудом... Впрочем, не должно вовсе заграждать для них вход в Церковь, но удостоивать их слушания Писаний два или три года, а после этого допускать до стояния (вместе с оглашенными), но удерживать от приобщения святости, и так, показывающих некий плод покаяния, восстанавливать на место общения (святого Василия Великого правило 4).

Второй брак не венчается в Церкви, а сочетавшиеся не допускаются к Пречистым Тайнам два года; в случае третьего брака - пятилетнее отлучение от Причастия (святого Никифора Исповедника, патриарха Константинопольского правило 2) [\[18\]](#).

Мы провозглашаем, общим мнением и решением, начиная с 920 года, чтобы никто не смел вступать в четвертый брак и чтобы всякий, пожелавший такого сожителства, был отлучен от церковного богослужения и ему не было бы позволено входить в святой храм, пока он не оставит названного сожителства... Так же, снисходя к человеческим немощам... мы выносим следующее постановление относительно третьих браков:

- если мужчина достиг сорока лет и хочет вступить в третий брак, пусть ему это будет разрешено, но он должен будет воздержаться от причастия до пятидесятилетнего возраста, и даже тогда он не будет подходить к причащению, исключая день спасительного Воскресения Христа Бога нашего (день Пасхи). Мы издаем это правило для тех, у кого нет детей от предыдущих браков, но если у них есть дети, третий брак после сорокалетнего возраста непозволителен;

- если мужчина 30 лет и у него есть дети от предыдущих браков и он хочет вступить в третий брак, пусть воздерживается от причащения до сорока лет, и тогда будет достойным таинств только трижды в течение года: первый раз в День славного Воскресения Христа Бога нашего; второй - на Успение Пречистой Госпожи нашей Богородицы и третий - на Рождество Христа Бога нашего. Если у него не было детей и, поскольку похвально желание иметь детей, третий брак будет прощен в соответствии с только что установленными покаянными правилами (Константинопольский Собор 920 г., также известный, как "Том Единения"; сокр. перевод).

Покаяние за брак после развода

Жена, оставившая мужа, если выйдет за другого, есть прелюбодейца... Если же будет усмотрено, что она оставила мужа без причины, то он достоин снисхождения, а она епитимий. Снисхождение же ему будет оказано в том, что он будет в общении с Церковью. Но тот, кто оставляет жену, с которой сочетался законно, и вступающий в брак с другой, по слову Господа (Лк. 16, 18), повинен суду прелюбодейания. Установлено же правилами Отец наших, таковым год быть в разряде плачущих, два года в числе слушающих чтение Писаний, три года в припадающих, и в седьмый стоять с верными, и так сподобиться причащения, если со слезами каяться будут (Шестой Вселенский Собор, правило 87).

Брак духовенства

Если кто о пресвитере, вступившем в брак, рассуждает, что не должно причащаться приношения, когда он совершил литургию, да будет под клятвою (Гангрский Собор, правило 4).

Поскольку мы узнали, что в Римской церкви, в виде правила, предано, чтобы те, которые должны быть удостоены рукоположения во диакона или пресвитера, обязывались не сообщаться более со своими женами, то мы, последуя древнему правилу апостольского благоустройства и порядка, соизволяем, чтобы сожитие священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушенным, отнюдь не расторгая союза их с женами и не лишая их взаимного в приличное время соединения. Итак, если кто окажется достойным рукоположения в иподиакона, или во диакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будет препятствием к возведению на таковую степень сожитие с законною супругою... дабы мы не были принуждены сим образом оскорбить Богом установленный и Им в Его пришествии благословенный брак. Ибо глас Евангелия вопиет: Что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мф. 19, 6; Мк. 10, 9). И Апостол учит: Брак у всех да будет честен и ложе непорочно (Евр. 13, 4); также: Соединен ли ты с женой? не ищи развода (1 Кор. 7, 27) (Шестой Вселенский Собор, правило 13).

Запрет второго брака священников

Кто по святом крещении двумя браками обязан был или наложницу имел, тот не может быть епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни даже вообще в списке священного чина (Апостольское правило 17).

Тот, кто взял в супружество вдову, или отверженную от супружества, или блудницу, или рабыню, или актрису [\[19\]](#), не может быть епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни даже вообще в списке священного чина (Апостольское правило 18).

Запрет брано после рукоположения

Повелеваем, чтобы из вступивших в клир безбрачными, желающие вступали в брак одни только чтецы и певцы (Апостольское правило 26).

Пресвитер, если вступит в брак, да низвержен будет от своего чина... (Неокесарийский Собор, правило 1).

Поскольку объявлено в Апостольских правилах, что из производимых в клир безбрачных только чтецы и певцы могут вступать в брак, то и мы, соблюдая сие, определяем: да отныне ни иподиакон, ни диакон, ни пресвитер не имеют позволения, по совершении над ними рукоположения, вступать в брачное сожительство; если же посмеет так поступить, да будет низвержен. Но если кто из поступающих в клир восхощет сочетаться с женою, по закону брака, таковой да творит сие прежде рукоположения во иподиакона, или в диакона, или в пресвитера (Шестой Вселенский Собор, правило 6).

Безбрачие епископов

Жена производимого в епископское достоинство, предварительно разлучившись с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его в епископа, да вступит в монастырь, далеко от обитания сего епископа созданный, и да пользуется содержанием от епископа. Если же достойной будет, да возведется и в достоинство диакониссы (Шестой Вселенский Собор, правило 48) [\[20\]](#).

Благословение Церкви

Отношение к усыновлению детей в древности было скорее безразличным, и в том, что оно совершалось без молитв и sacramentalного акта, не видели никакого нарушения. Не будучи в состоянии предписать какую-нибудь строгую формальность относительно брака, допускали случаи, когда он оставался без согласования. Но даже если будет найдено объяснение положению дел в древности, все равно нет оправдания тому, что мы, достигшие, по милости Божией, более высокого и более святого уровня социальной жизни, пренебрегли одним из этих двух учреждений.

У нас поэтому есть предписание, чтобы усыновление детей совершалось со святыми молитвами (новелла 24). Мы в настоящее время также повелеваем, чтобы браки утверждались священным благословением и, если супруги с пренебрежением будут относиться к этому, их сожительство во всякое время не будет считаться браком и они не будут пользоваться законными правами брака. Ибо существует либо целибат, либо брак. Ты желаешь вступить в брак? Соблюдай законы брака. Тебе не нравится брак? Тогда прими целибат, но не прелюбодейство и не притворный целибат.

(Новелла 89 императора Льва VI (886-912), изданная в период между третьим и четвертым браками императора.)

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

СВЯТОЙ СИМЕОН ФЕССАЛОНИТСКИЙ О БРАКЕ И ПРИЧАСТИИ

Святой Симеон, архиепископ Фессалонитский, является автором известного комментария к различным службам и таинствам Церкви, совершавшимся в его время. Описывая обряд венчания, он сообщает, что священник читает молитвы вместе с молитвой Господней. Святой Симеон говорит: Вслед за тем иерей прикасается к святой Чаше преждеосвященных Даров и возглашает: "Преждеосвященная Святая Святым". И, когда все запоют: "Един Свят, един Господь", - потому что Он - единое освящение и мир, и единение сочетания рабов Своих, - иерей приобщает новобрачных, если они достойны. Они должны быть приготовлены, чтобы и достойно повенчаться, и честно вступить в супружество: потому что конец всякого священнодействия и запечатление всякого божественного таинства - Священное Причащение. И прекрасно делает Церковь, что приготовляет Божественные Дары в умилоствление и

благословение сочетающихся, как бы присутствовал на браке Сам, Подающий и Суший, для мирного единения их и единомыслия. Поэтому вступающие в брак должны быть достойны причащения, и, как чада Божий, должны сочетаться в святом храме - доме Божиим, как бы пред лицом Божиим: так как в Дарах присутствует Сам Священнодействуемый, и предлагается и является посредником между нами. Потом "иерей преподает им из общей Чаши, между тем как поют: "Чашу спасения прииму". Это делается ради Пресвятых Даров и в знамение единения в благомыслии о Боге и потому, что благомыслие их будет происходить от мира и единомыслия. Недостойным причащения, как, например, двоеженцам и подобным, не преподаются Божественные Дары, а только общая Чаша - в освящение отчасти, благое общение и единение в благословении Божиим".

Примечания

[1] См. особенно А. С. Павлов. Глава 50-я Кормчей книги. М., 1857 и С. В. Троицкий. Христианская философия брака. Париж, 1932.

[2] Внебрачное сожителство (примеч. пер.).

[3] Климент Александрийский - один из основоположников христианского богословия. Текст взят из его "Стромат", III, 12, 87.

[4] P. Trembelas. Dogmatique de l'Eglise Catholique. Orthodoxe. III, Chevetogne. 1968. P. 364.

[5] Ср. решения Русского Святейшего Синода по вопросам, которых касается П. И. Нечаев в своем Практическом руководстве для священнослужителей. Изд. 9-е. СПб., 1907. С. 263-264.

[6] Ср., например, А. Завьялов. Брак - статья в Православной Богословской Энциклопедии. Под ред. А. П. Лопухина, т. 2, 1903. С. 1029-1030, 1034.

[7] См. Joar. Euchologion, repr. Jear, 1960. P. 321-322.

[8] A. Dair. Les Nouvelles de Leon VI, le Sage Paris, 1944. P. 294-297.

[9] Разве не было бы желательным, чтобы и теперь усыновление носило религиозный характер?

[10] Ср. Эвхологион X в., найденный в библиотеке Синайского монастыря; текст у А. А. Дмитровского "Описание литургических рукописей". Киев, 1901. С. 31. Это практика греческих церквей. И в наше время поют причастный стих в момент венчания.

[11] А. Катанский. К истории о брачном праве. - "Христианское чтение", СПб., 1880. С. 112, 116.

[12] Противоположное мнение выражено С. В. Троицким в его замечательной книге "Христианская философия брака", кажется, нуждающейся в более строгом богословском или каноническом обосновании.

[13] Service book of the Holy Orthodox-Catholic apostolic Iharep, crip. J. F. Hepgood, испр. изд. Brooklyn, N. Y. 1956. P. 305.

[14] О православной точке зрения (весьма отрицательной) на "интеркоммунион" между разделенными христианами см. в St. Vladimir's Seminary Quarterly, vol. 12, 1968, Nos, 3-4.

[15] Заметьте, что текст, касающийся развода по причине "нечистоты", основан только на Евангелии от Матфея. В словах самого Христа нет запрещения развода, как говорится об этом у евангелистов Марка и Луки.

[16] См. особенно 22-ю новеллу Юстиниана.

[17] Рабство и "показные дела" рожают подозрение в легкомыслии относительно нравов [103].

[18] В русском издании отсутствует (примеч. пер.).

[19] В Древнем мире жизнь в прелюбодеянии считалась неизбежной для рабов и актеров.

[20] Мы говорили об исторических причинах, которые объясняют, почему Церковь VI и VII столетий запретила браки мужчинам, готовящимся к епископскому служению. Настоящее правило, на первый взгляд кажущееся противоречащим принципу нерасторжимости брака, раньше ясно и правильно понималось всеми, а сейчас применяется очень редко. В настоящее время предпочитают избирать на епископское служение лиц из монашествующих или вдовых белых священников.